

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

КРУЖЕВНОЕ
УБИЙСТВО

Жизнь —
самая искусная
кружевница

Желание женщины

Людмила Мартова

Кружевное убийство

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Кружевное убийство / Л. Мартова — «Эксмо», 2021 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-120552-2

Снежана Машковская вела тихую уютную жизнь с мамой и работала в ателье, где занималась любимым делом – плетением кружева. Пока к ней не обратились из полиции с просьбой об экспертизе: в лесу был найден чемодан с останками пожилой женщины, там же лежал сколок – старинный эскиз кружева. Рисунок оказался подписан, и Снежана поняла, что он имеет непосредственное отношение к истории ее семьи и создан знаменитой кружевницей Татой Макаровой, ее далекой прародительницей. Но как он связан с убийством и его жертвой? Незаметно для себя Снежана втянулась в расследование, вместе с которым в ее жизнь вошли волнующие перемены... Увлекательность, легкий стиль, узнаваемые женские образы, лирические отступления, в которых автор делится своими мыслями о жизни и любви, делая некие обобщения и давая читателю советы – отличительные черты романов Людмилы Мартовой. На фоне захватывающей детективной интриги автор в легкой доступной форме непринужденно разбирает непростые житейские ситуации, в которых может оказаться любая читательница, и ненавязчиво подсказывает пути выхода из них.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120552-2

© Мартова Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Людмила Мартова

Кружевное убийство

© Мартова Л., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Марине Липиной,
Елене Петряевой
и Александре Чуриной,
которые неожиданным и мистическим образом выложили в
социальных сетях свои семейные истории о вологодском кружеве в тот
момент, когда я работала над этой книгой*

*Во Фетиньиной беседа хороша.
Во беседе сидит девушка
Со точеными пялечками,
Со камышевым коклюшечкам,
С коленкоровой подушечкой,
С позолоченным булавочкам.
Она шелковы кружева плетет.*

***Образец вологодского музыкального фольклора (по Н. Иваницкому)
Все события вымышлены, любые совпадения случайны***

Пролог

Поздняя осень в этом году выдалась настолько красивой, что в это даже не верилось. Не может быть такого октября: теплого, с прогревающимся днем до восемнадцати градусов воздухом, сухого, с ласково шелестящей под ногами листвой, с сияющим на солнце золотом крон, с сочной зеленью травы под ногами. И в обычный-то год не может, а уж в этот проклятый високосный, тем более.

Но то ли в награду за весь год и связанную с ним нервотрепку, то ли в насмешку на дачах в октябре цвели розы, набухли почки на сирени, продолжала плодоносить малина, а в лесу на смену отошедшей клюкве и бруснике новой волной пошли грибы.

Именно за грибами и отправилась в последние теплые октябрьские выходные семейная пара, живущая в деревне Фетинино. До леса было километра полтора, но место это, грибное и щедрое, знали только местные, да и то не все. От дороги оно располагалось далековато, так что городские грибники на машинах сюда не добирались. Вот и хорошо, вот и славно.

Белых было немного, но вот рыжиков и опять хоть косой коси, да и красноголовиков несколько штук нашлось, на жареху хватит. В надежде найти еще парочку, женщина свернула с протоптанной тропинки, углубилась в траву между берез и вдруг замерла в недоумении. Под деревом стоял чемодан.

Обычный, довольно большой пластиковый чемодан на четырех колесиках с широкой и удобной ручкой. Признаться, женщина всегда немного завидовала, когда видела такие у людей в аэропорту. Они с мужем любили отдыхать в Турции, жаль, в этом году не довелось. Вот только в лесу такому чемодану делать было совершенно нечего.

– Ко-ость, а Ко-ость, – позвала она с характерной говору северной глубинки напевностью, – погля-адь, что я нашла-а.

Муж, мужик основательный, подошел не спеша, остановился, чуть пыхтя, – грузность не давала ему двигаться и наклоняться легко, как в молодые годы, – посмотрел с легкой насмешкой, но без издевки.

– Ну, показывай свою находку.

– Вот, – женщина мотнула головой в сторону чемодана, и муж уставился на него, словно не веря собственным глазам. Нет, правда, неоткуда тут было взяться чемодану.

– Етить-колотить. – Мужчина снял изрядно засаленную, видно, что бывалую, кепку и потер плешивый затылок. – Это ж какой турист его тут оставил?

– Ко-ость, может, ну его, пойдем, – жарким шепотом заговорила женщина и вцепилась мужу в рукав, – не к добру он тут стоит. Давай трогать не будем.

– Да подожди ты, – мужчина стряхнул ее руку, сделал несколько шагов к чемодану, присел на корточки, потрогал пальцем ручку и поднял ее, – ну, не бомба же в ём. Давай посмотрим.

– А вдруг там ценное, – женщина все еще нервничала, – пропадет, и потом в жисть не докажем, что ничего не брали.

– Так кому доказывать-то, Нюрка, нет же тут никого, – мужчина усмехнулся и решительно потянул за молнию. – А если ценное, так, почитай, нам с тобой впервые в жизни повезет.

Молния разошлась, и в нос ударил жуткий гнилостный запах. Внутри лежал человек, точнее, то, что осталось от умершей пожилой женщины. Мужчина сделал шаг назад, зажал широкой ладонью рот и нос. За его спиной раздался истошный визг жены. Уронив корзинку и не замечая, что собранные грибы рассыпались по все еще зеленой траве, она то ли кричала, то ли выла на одной протяжной ноте.

– Замолчи, – тяжело обронил мужчина, и жена послушно заткнулась, тараща бесцветные глаза на чемодан со страшной находкой, – в полицию надо звонить, а не орать.

* * *

«По факту обнаружения тела женщины в чемодане в лесу недалеко от деревни Фетинино возбуждено уголовное дело. Следственный комитет квалифицировал происшествие как убийство. На теле жертвы найдены следы удушения. Следователи и криминалисты осмотрели место происшествия, опросили очевидцев, – сообщила прессе помощник руководителя областного Следственного комитета Лилия Лаврова. – Назначены судебно-медицинская и молекулярно-генетическая экспертизы, личность женщины устанавливается. При ней не найдено никаких документов».

Впрочем, кое-что Лиля от общественности все-таки утаила. Даже своей давней приятельнице, много раз помогавшей ей журналистке областной газеты «Курьер» Инессе Перцевой не призналась, что один вещдок при потерпевшей все-таки нашли. Выглядел он странно: хрупкий пожелтевший лист плотной бумаги с нанесенным на него кружевным узором. С недавнего времени Лиля любила кружева, а потому позвонила мастерице, у которой заказывала кружевные элементы для своих нарядов. Отправив фотографию находки, она узнала, что обнаруженный листок называется сколок и используется как основа для плетения кружева.

На сколке был прорисован кружевной кленовый лист, выглядел лист измятым и ломким, видно, был очень старым. В верхнем правом углу можно было различить то ли вензель, то ли просто инициалы Т.М., но имело ли это отношение к жертве и ее гибели, было совершенно непонятно. На всякий случай Лиля решила о сколке умолчать, а там видно будет.

Глава первая

Октябрь 1857 года выдался студеным. На замерзших и от того хрупких листьях плела свое красочное кружево изморозь. Татка даже остановилась, чтобы разглядеть узор получше, вдруг пригодится. Ей ужасно хотелось, чтобы Соня, София Петровна Брянцева, ее учительница и мастерица от бога, похвалила, выделила среди остальных. О том, что сплетенное Таткой кружево когда-нибудь покажут Анфии Федоровне, матери Софии, девушка даже не мечтала.

– Тата, ты идешь или нет, холодно.

Закадычные подружки Пелагея и Авдотья ждали замешкавшуюся Тату в отдалении. Дуся с присущей ее характеру кротостью, Палашка – нетерпеливо пристукивая ножкой, обутой, невиданное дело, в кожаный сапожок. Тата перевела взгляд на валенки, которые поутру заставила надеть мать, увидевшая первый снег. Дуся шла на урок в лаптях, любовно украшенных вплетенной в лыко тесьмой и вышитых бисером. Золотые у Дуси руки, ой золотые, но все равно не такие, как у Татки.

Она подняла кленовый лист с особенно красивой морозной вязью – он казался прозрачным, словно исхудавшим, – и бережно спрятала в лежащую в кармане варежку. Вдруг получится донести до дома Брянцевых, чтобы тщательно срисовать узор на кусок плотной оберточной бумаги. Чем не сколок?

– Иду, – чуть виновато откликнулась она на Палашкин призыв и ускорила шаг. Нехорошо заставлять себя ждать, да и на урок опаздывать не след.

Вот уже месяц три подружки два раза в неделю, по вторникам и четвергам, посещали уроки кружевоплетения, которые давала известная кружевница София Брянцева. Ее мать Анфия Федоровна исполняла любые виды кружева: и иностранный «валансьен», и «брюссель». Но больше всего ценился изобретенный ею «вологодский манер», а уж София и вовсе слыла лучшей кружевницей в округе. Девчонки шептались, что за один заказ от столичных модниц она могла получить неслыханные деньги – аж двести рублей.

Добрая Дуся нет-нет да вздыхала, невольно завидуя семейному укладу дома, в котором им приходилось регулярно бывать. Тата же не завидовала ничуть – знала, что кружева плетут да уроки дают мать и дочь не от хлебосольной жизни. В средствах к существованию Брянцевы нуждались постоянно, а кружевоплетение давало стабильный заработок. Еще более прибыльным делом оказалось создание рисунков и изготовление сколков. На нем Анфия Федоровна и София Петровна зарабатывали даже больше, чем собственно на плетении, да и делать это было гораздо легче.

В досужие разговоры Тата вообще не верила. Как же двести, когда самая дорогая шаль, сплетенная Таткиной матерью, не приносила в семью больше пяти рублей, да и то не часто? Обычно они и двум рублям были рады.

Честности ради, Тата не могла не признать, что кружево у матери выходило толстое, грубое, напрочь лишённое того воздушного изящества, которое струилось из-под пальцев Софии Брянцевой. Собственно говоря, именно из-за этого Татку и отдали в обучение к известной мастерице, и теперь она истово училась, мечтая о том, чтобы, уподобившись Анфии и Софии, выплести платья и косынки, тальмы, покрывала, вуали, наколки и чепцы.

Соня Брянцева за палец уселась, когда ей было пять лет, а учить других начала, едва ей исполнилось десять. Этот факт отдавался у пятнадцатилетней Таты болью в душе, заставляя горевать о собственном несовершенстве. Неужели ей никогда-никогда не стать такой, как София?

Школа располагалась в выделенном на эти цели большом помещении в доме Брянцевых. Ходили сюда ученицы из города и окрестных деревень в возрасте от двенадцати до сорока, так что, строго говоря, Татка и ее подружки были здесь еще не самыми «позднеспелыми».

С Палашки с ее кожаными сапожками Брянцевы брали по пять копеек за урок – ее зажиточный отец мог потянуть плату за неожиданное увлечение дочери, а вот Дуся и Тата расплачивались то корзинкой клюквы, то шматком сала, то свежее испеченным пирогом. Для них кружевоплетение было не блажью, а потенциальным источником дохода.

Урок начинался в десять, и сделать перерыв мастерицы могли не раньше часа пополудни. После сигнала Софии они доставали свои узелки с припасенным обедом, как правило, состоящим из куска ржаного хлеба, соленого огурца и холодной картофелины, и, наскоро перекусив, бежали на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. На перерыв отводилось минут сорок, после чего ученицы возвращались к занятиям и сидели, склонив голову над подушечкой и коля пальцы булавками, до пяти часов вечера.

Тата перерыв любила особо еще и за то, что в это время из уездного суда приходил на обед глава семьи Брянцевых, Петр Степанович, в которого Тата была тайно влюблена. Иногда девушке удавалось пусть одним глазком да увидеть объект своей девичьей наивной страсти. Интересно, повезет ей сегодня или нет?

Ускорив шаг, чтобы поспеть за широко шагающими подругами, Тата придирчиво вспоминала, как именно сегодня оделась. Впрочем, к Брянцевым она всегда старалась надевать лучшее. Цельная рубаша, длинная, по самую щиколотку, сегодня была новой, оттого сверкающей белизной. Лямки на ярко-красном сарафане Тата заменила на кружевные, сплетенные собственными руками. Такая же кружевная лента шла под пуговицами, имитирующими застёжку. Мать, конечно, требовала надеть другой сарафан, с утепленным шерстяной подкладкой подолом, но Тата наотрез отказалась. Да, студеное нынче утро, но все же не зима.

Палашка уже красовалась в новой шубке, короткой, но из беличьего меха. На Дусе была надета суконная коротайка, как водится, расшитая тесьмой и разноцветными шнурами, а Тата куталась в кафтан из шерстяной ткани, купленной отцом по какой-то оказии и тоже украшенной кружевом. От овчинного тулупа, предложенного матерью, удалось пока отвертеться. Нет, в таком виде не стыдно показаться на глаза Петру Степановичу, совсем не стыдно.

– Тата, ну хватит витать в небесах, – Палашка опять топнула ножкой, проявляя характер, – поторапливайся, из-за тебя мы опоздаем.

Оказывается, замечтавшись, она опять отстала от подруг. Тяжело вздохнув над собственным несовершенством, из-за которого Тата то и дело влетала в неприятности, она бросилась их нагонять.

* * *

Снежана разогнула затекшую спину и сладко потянулась. Сегодняшняя норма выполнена, теперь, пожалуй, можно и пообедать. Из кухни тянуло привычными домашними ароматами сдобы, жареного мяса и, кажется, борща.

– Ма-а-а-ам, что у нас сегодня на обед? – прокричала Снежана, придирчиво осмотрела выполненную за сегодня работу – распускающуюся поверх сколка невиданной красоты жар-птицу, которую постоянная заказчица хотела видеть на спине черного выходного платья, – и поправила коклюшки, издавшие легкий мелодичный звон. Звон был особый – хоть раз в жизни услышишь, ни с чем не перепутаешь.

– Иди руки мой, садись за стол и узнаешь. – Голос матери тоже был звонким, мелодичным, совершенно не соответствующим ее семидесяти двум годам.

Маму, сохранившую хрупкость невысокой фигурки, носившую неизменные каблуки и короткую, ультрасовременную стрижку, со спины часто принимали за девушку. Снежана ею гордилась.

– Скоро закончишь? – спросила мама, когда она с удобством расположилась на своем законном месте, у холодильника, и с удовольствием зачерпнула первую ложку огненного, ярко-

красного борща, к которому прилагалось тонко порезанное розовое сало с корочкой черного перца, два зубчика чеснока и домашняя, недавно испеченная, еще горячая пампушка. Рядом стояла плюшка с маслом. – Когда Вера Михайловна платье ждет?

Пунктуальность мама считала одним из главных профессиональных качеств хорошей швеи, и плетей тоже. «Плетелями» в народе называли кружевниц, маме это старорусское название нравилось больше, и Снежана не спорила. Заказчицы обычно называли ее портнихой, и с ними Снежана не спорила тоже. По большому счету ей было совершенно все равно, как называется ее труд. Главное – за него платили, и ее ловкие пальцы, которым было все равно, кроить, шить или плести кружево, обеспечивали им с мамой вполне безбедную жизнь. Не миллионеры, конечно, но и жаловаться не на что, пока глаза видят и руки не дрожат.

Раньше главным добытчиком в семье был папа. Мама же, творческая натура, сколько Снежана себя помнила, разрабатывала рисунки для сколков и плела кружева. Особого дохода это, если честно, не приносило, зато удовольствия – сколько угодно. Много лет мама проработала на кружевной фабрике «Снежинка», в честь которой, собственно говоря, и назвала единственную дочь.

В их семье женщины выходили замуж и рожали поздно. К примеру, Снежана родилась у мамы, когда той исполнилось тридцать восемь лет. И мама смеялась, что дочка – ее главный кружевной узор. После распада Союза от огромной когда-то фабрики, на которой работали сотни людей, мало что осталось, но мама, как злословили подружки, вовремя сориентировалась: выгодно выскочила замуж за человека, ставшего одним из первых в их области предпринимателей, а потому могла себе позволить работать не ради денег, а по велению души. И еще – учить дочку мастерству плетей.

Снежана – поздний, балованный ребенок – росла девочкой замкнутой, больше всего на свете любившей читать книжки в укромном уголке и стучать коклюшками. Подруг у нее особо не было, шумные компании она не любила, Снежана тихо и незаметно окончила филологический факультет местного университета и устроилась работать в библиотеку.

Вот только со смертью папы все переменялось. Мама как-то растерялась, словно стала еще меньше ростом, разговаривала шепотом и подолгу сидела, уставившись в одну точку. Незадолго до скоростной смерти отец купил семье четырехкомнатную квартиру в самом центре, в ремонт которой вложил все свободные деньги. Остальные крутились в бизнесе, но его ушлый компаньон и давний друг семьи довольно быстро отжал их, пользуясь тем, что оглушенные горем жена и дочь ничего не понимают в делах.

Лежащая в тумбочке кучка денег, из которой мама брала на хозяйство, а Снежана на свои крайне скромные нужды, начала таять и месяца через три растаяла совсем. На зарплату библиотекаря и пенсию прожить было совершенно невозможно, а потому, немного подумав, Снежана приняла решение брать заказы на шитье нарядов со вставками из вологодского кружева.

Кстати, идея объединить кружево с тканью когда-то принадлежала именно маме. Блузы, юбки, брюки изо льна и батиста со вставками из разноцветного кружева, сшитые во входящем тогда в моду стиле бохо, разлетались на ура. Снежана до сих пор помнила привычную картинку из детства: просыпаясь, она крадется по коридору, стараясь не наступать на скрипучие половицы, к комнате, в которой оборудована мастерская, и видит маму, склонившуюся над листами бумаги. Даже названия коллекций помнила: «Родники», «Жизель» и «Пастель», «Светский раут» и «Мадемуазель». И коллекцию ночных сорочек «Черный лебедь», выполненную из черного батиста с машинным кружевом и атласными лентами ¹.

Так что, открыв собственную мастерскую, Снежана просто пошла по маминым стопам. Первое время заказчиц было не так много, и она справлялась одна, но потом слава о ее эксклюзивных моделях пошла сначала по городу, потом по области, а затем докатилась и до Москвы

¹ Используются настоящие названия кружевных коллекций мастерицы фирмы «Снежинка» Елены Котоминой.

с Питером. Поступили первые заказы из-за границы, и сейчас у Снежаны Машковской было свое небольшое ателье, в котором, помимо нее, работали еще одна закройщица и четыре швеи.

Под ателье было снято помещение на первом этаже дома, где жили Снежана с мамой. Плести кружево она предпочитала наверху – эта работа требовала покоя и уединения. Дома она оставалась и когда требовалось вдохновение, чтобы придумать что-то особенное для очередной клиентки. А кроила и шила Снежана в мастерской, под шумный гомон девчонок и довольные улыбки пришедших на примерку заказчиц.

Все-таки, помимо материнского таланта, ей передалась и отцовская сметливость: ателье процветало и приносило хороший доход. В этом году, конечно, все было непросто из-за проклятой пандемии – зачем шить нарядную одежду, если ходить в ней все равно некуда – но жаловаться было грех, заказы все равно поступали. Снежана и не жаловалась.

– Думаю, закончу завтра, мне немного осталось, – ответила она. – А платье должно быть готово к субботе. Сегодня понедельник, так что все успеем.

– Что у тебя еще на сегодня? Или до вечера плести будешь?

Мама предпочитала быть в курсе дочкиных дел, и, надо признать, ее советы не раз выручали Снежану. Сама стучать коклюшками мама больше не могла, из-за подступающей болезни Паркинсона у нее ощутимо дрожали руки, – но вкусом обладала по-прежнему отменным.

– Нет, спина устала, да и новая клиентка должна прийти. Говорит, у нее особый заказ, который надо подробно обсудить.

– Особый заказ? – Мама заметно оживилась. – Это может быть интересно. Знаешь что, а приводи ее домой, я тоже с удовольствием послушаю. Заодно чаем вас напою, я плюшки испекла, как ты любишь, с корицей.

Снежана вздохнула. Как объяснить маме, что плюшки с корицей ей категорически противопоказаны, при ее-то сидячем образе жизни и сорок восьмом размере? Еще весной размер был условно сорок шестым, но если злоупотреблять маминой сдобой, то и до пятидесятого недалеко. И кто ж ее такую замуж возьмет?

В свои тридцать четыре года Снежана все еще была одинока. Мама в этом ни малейшей проблемы не видела, по своему примеру полагая, что сначала нужно состояться как профессионал, посмотреть мир и пожить для себя, а уже потом надевать ярмо семейной жизни. Как профессионал Снежана состоялась, основные мировые столицы повидала, а новые в одночасье стали недоступны из-за закрывшихся границ, а вот своим одиночеством и незадавшейся женской судьбой тяготилась все больше. И мамин пример не утешал: у той в конце концов появился такой замечательный человек, как папа, а в жизни Снежаны он даже не предвидится, потому что таких, как папа, больше нет.

* * *

Пообедав, Снежана быстро переделалась и сбежала с третьего этажа на первый, в ателье. Заказчикам, особенно новым, она всегда показывала товар лицом, надевая собственноручно сконструированные и сшитые наряды, которые «работали» лучше любой рекламы. Вот и сейчас она надела оливковые брюки из тонкой, но теплой шерсти, уместной нынешней осенью и оттеняющей золото погоды за окном, и чуть более светлую, но того же цвета хлопковую блузу, на груди которой уютно поместились кружевные падающие с дерева листья. Смотрелось необычно, и Снежана это осознала.

В ателье вовсю кипела работа, и это как раз было обычно, потому что заказов за последний месяц они набрали много.

– Привет, девчонки, – звонко поздоровалась Снежана, которая любила и ценила каждую из своих мастериц. – Как у нас дела?

– Все в порядке, Снежок, – отозвалась Лидия, вторая закройщица, по негласной договоренности выступавшая в маленьком коллективе за старшую. – Куртку для Морозовой сегодня закончим, брючный костюм для Савельевой – тоже. Платье для Веры Михайловны готово, осталось только твой элемент вшить и можно звать ее на вторую примерку. Ну и все остальное у нас по плану. Не переживай.

Снежок – это было ее школьное имя, так Снежану могли звать только близкие друзья, к которым, несомненно, относилась и Лида. Мама с папой всегда называли дочь Снежинкой, но это домашнее имя она считала нескромным и слишком интимным, не предназначенным для чужих ушей.

Звякнул старинный колокольчик над входной дверью, сообщая, что в ателье посетители. Их было двое – красивая, холеная женщина лет шестидесяти пяти и молодой человек чуть помладше самой Снежаны, высокий, тонкий, гибкий, как виноградная лоза, с мелкими чертами лица и острым, немного хищным взглядом.

У Снежаны, которая благодаря своему творческому складу ума воспринимала окружающий мир образами, он сразу вызвал ассоциацию именно с диким виноградом, вернее, плющом, оплетающим старинную беседку и закрывающим солнечные лучи. Вроде и красиво, а в результате тьма. Хотя почему сразу тьма, а не приятный в жару прохладный тенок? На этот вопрос у нее не было ответа.

– Здравствуйте, нам нужна Снежана Машковская, – низким грудным голосом сказала дама.

– Это я, проходите, пожалуйста, – ответила Снежана и указала на удобный кожаный диван, на котором обычно располагались гости.

Напротив стояло кресло, предназначенное для нее самой, но гость, не глядя, уселся именно в него. Нарушение устоявшихся правил всегда становилось для Снежаны проблемой, но не выгонять же чужого человека. Легонько вздохнув, она пододвинула стул и уселась, стараясь сохранить приветливое выражение лица.

– Вы, я так понимаю, Светлана Павловна?

– Да, а это мой сын Артемий. Вы не против, если он поприсутствует на нашей встрече? Я стараюсь не перемещаться по городу на общественном транспорте, так что Темочка меня привозит и возит.

О-о, значит, «плющ» всего лишь водитель при маме. Ладно, так и запишем. Новая клиентка хотела заказать полный комплект домашнего текстиля для загородного дома, но ручной работы и всенепременно с классическим вологодским кружевом. Однако его узор должен быть оригинальным, ранее нигде не встречавшимся.

– О снежинках, огурцах, соборах, матрешках и прочем даже речи не идет, – решительно и с напором говорила гостя. – Мне нужно что-то необычное, лучше всего старинное, желательно девятнадцатого века. У вас есть такие образцы?

Про девятнадцатый век Снежана услышать не ожидала, но вопросу обрадовалась. Чем сложнее казалась поставленная перед ней задача, тем интереснее было ее решать.

– Вы хотите что-нибудь определенное? Может быть, видели в Музее кружева или в старинных книгах? – доброжелательно спросила она. – Я уверена, что смогу разработать сколок для любого узора, главное, подобрать то, что будет по вкусу именно вам.

– Нет, ничего определенного я в виду не имею. Мне бы хотелось, чтобы именно вы предложили наброски того, что может пригодиться для штор, скатертей, накидок на стулья и поло-тенец, – недовольно сообщила дама. – В конце концов, именно вас мне рекомендовали как профессионала экстра-класса, и хотелось бы получить доказательства того, что меня не обманули.

Снежана закусила губу – она не терпела завуалированных оскорблений. Почему она должна доказывать, что чего-то стоит? Она уже давно всем все доказала, и репутация у нее

такая, что в ателье обращаются даже из-за границы. С другой стороны, клиент всегда прав, да и не время сейчас разбрасываться заказами, тем более, к клиентам с характером ей не привыкать.

– Раз вы не имеете в виду ничего конкретного, тогда имеет смысл взять паузу, – сказала Снежана, легонько вздохнув. – Я думаю, что сегодня мы можем подобрать основную ткань, из которой мы будем готовить нашу коллекцию, а также определиться с цветовой гаммой. Что же касается кружева, то я возьму пару дней, чтобы подготовить оптимальные варианты.

Она точно помнила, что мама хранила целую коробку старых сколков. Когда-то маленькая Снежана, только учившаяся держать в руках коклюшки, любила их разглядывать и даже сплела парочку древних узоров, тех, что попроще, разумеется, – сложные кружевные панно тогда были еще не по силам. Позже ей, как и маме когда-то, стало гораздо интереснее придумывать свои узоры, так что коробка со старыми сколками оказалась куда-то задвинута. Что ж, пожалуй, сейчас она вполне может пригодиться, понять бы только, куда именно они ее засунули. На антресоли? В стенной шкаф? В подвал? Или вообще увезли на дачу?

– Хорошо, – кивнула Светлана Павловна, – только не затягивайте, пожалуйста. Мне бы хотелось, чтобы к Новому году вся коллекция была уже отшита. Я жду гостей из Бельгии, к их приезду все должно быть готово.

Приезд иностранных гостей как-то не вязался с царившей вокруг вирусной нервотрепкой и закрытыми границами, но уточнять Снежана не стала. Мало ли, как заведено в этом доме? Не ее это дело. Задача Снежаны – разработать и отшить коллекцию, которая, судя по всему, должна обойтись заказчице в двух-, а то и трехмесячный оборот их ателье. За такие деньги можно и потерпеть эту лигу плюща. Кстати, понимает ли мадам, во что ввязывается, или потом выяснится, что она рассчитывала заплатить за авторскую коллекцию тысяч десять?

– Светлана Павловна, давайте уточним бюджет, в который вы планируете уложиться, – спросил проснувшийся в Снежане менеджер, пригрозив пальцем обрадованному интересной задачей художнику. – Просто мы можем предложить разные по стоимости ткани, да и сложность рисунка я буду подбирать, исходя из ваших возможностей.

– Цена не имеет значения, – надменно заверила гостя. – Думаю, что полный комплект, включая постельное белье, в итоге не должен выйти за миллион.

Миллион? Пожалуй, плющ нравился Снежане все больше и больше. Она заметила, что в ателье установилась тишина – был слышен даже шорох падающих за окном листьев. Замерли стрекотавшие швейные машинки, стих гомон негромко переговаривающихся за стенкой девчонок. Волшебную цифру услышали все и хорошо осознали, что именно она значит: во-первых, стабильность, и во-вторых, огромную ответственность и не менее огромный «геморрой».

– Хорошо, Светлана Павловна, тогда сейчас я принесу каталоги тканей.

Собеседница остановила ее царственным движением руки.

– В плане ткани я полностью доверяю вашему выбору, – услышала Снежана и чуть не упала. – Вы же профессионал. Меня волнует только соответствие старинному кружеву, которое вы должны воспроизвести, так что сосредоточьтесь в первую очередь именно на этом.

– Но цветовую гамму я за вас не определяю, – осторожно сказала Снежана. – Хотя бы скажите, в каких цветах оформлен интерьер вашего дома, и тогда к нашей следующей встрече мы подготовим конкретные образцы сатина, хлопка и шелка. На выбор.

– Давайте делать все в бежево-коричневых тонах, – помолчав, ответила Светлана Павловна словно через силу. – Еще раз повторюсь, ваша главная задача – предложить мне интересное решение с кружевом. Надеюсь, вы не будете с этим тянуть.

– Да, конечно, – пробормотала Снежана, чувствуя себя идиоткой. – Мне нужна неделя, чтобы определиться с образцами.

– Это долго.

– Долго, но необходимо, – мягко, но непреклонно возразила Снежана. – До конца недели я должна закончить другой заказ, и только в выходные смогу съездить на дачу. Дело в том,

что там у меня хранится коробка со старыми сколками. В субботу я привезу их в город, в воскресенье отберу образцы, и в понедельник мы с вами выберем то, что вас устроит.

– Хорошо, тогда до понедельника, – неожиданно для Снежаны, готовой к суровому отпору из-за того, что чьи-то чужие заказы она ставит вперед нового, согласилась собеседница. – Я понимаю, что вам нужно подумать, и готова ждать, потому что мне нужен лучший вариант, на сто процентов эксклюзивный, вы понимаете?

– Вполне.

– Тогда я приду в понедельник, в это же время. Пойдем, Артемий.

Плющ встал и, даже не кивнув в знак прощания, двинулся к выходу. За ним царственно выплыла из ателье его мать, и Снежана перевела дух, вдруг осознав, что последние несколько мгновений практически не дышала.

– Это что такое было? – нарушил ее мысли голос Лиды. – Мне не слышалось, она действительно готова потратить миллион рублей на кружевные простыни и скатерти?

– Одна кружевная простыня обошлась бы миллионов в пять, – засмеялась Снежана. – Слава богу, в данном случае речь идет об отделке, и я надеюсь, она это понимает. Ладно, девчонки, морская фигура отомри, у нас полно работы, а про странные пожелания нашей новой заказчицы я подумаю позже.

– Снежок, только перед тем, как заказывать ткани, все-таки утверди у нее образцы под подпись, – тихонько, чтобы не услышали остальные девчонки, шепнула ей Лида. – И предоплату возьми – закажем огромный метраж самого изысканного полотна, а эта королевишна потом возьмет и передумает. Я таких знаю, у них на неделе семь пятниц.

– Конечно. – Снежана легонько чмокнула Лиду в пухлую и мягкую щеку. – Не бойся, в неприятности из-за этого странного заказа я точно не влезу.

Глава вторая

Нерешенная задача жгла мозг. Так было всегда. Получая новое задание, Снежана не могла остановиться, продумывая все возможные пути его выполнения, и не успокаивалась до тех пор, пока не выстраивала четкую схему действий по достижению поставленной цели. Вот и сегодня она знала, что ни за что не уснет, если не поищет коробку со старыми сколками.

Конечно, она сказала, что коробка на даче, но перед тем как ехать туда, нужно было убедиться в отсутствии искомого на антресолях и в подвале. Даже самой себе Снежана не признавалась, что на самом деле ею движет обычное любопытство, да еще творческий зуд, который охватывал ее в последнее время все реже. Обычные заказы были рутинными, не оставляющими простора для творчества. А тут... Кружево под старину она действительно никогда не плела.

– Ма-а-ам, – позвала Снежана, едва вернувшись в квартиру, – ты помнишь, где у нас хранятся старые сколки?

– Насколько старые? – поинтересовалась мать, стоя на пороге кухни. Ну да, она готовила ужин. Ее жажду творчества теперь удовлетворяла только кулинария, поэтому о борьбе с лишним весом пришлось забыть. – Тебя какая-то конкретная коллекция интересует?

Сколки по маминым коллекциям, тем самым, знаменитым, если не на весь мир, то точно на всю страну, были переплетены в специальные альбомы, которыми мама страшно гордилась и хранила их как зеницу ока в своей спальне.

– Нет, совсем старые. Помнишь, ты мне в детстве показывала коробку, которую тебе когда-то твоя бабушка передала?

– Помню, конечно, а зачем тебе?

– Заказ получила на кружева по старинным узорам, представляешь? Вот, хочу посмотреть, можно ли там чем-нибудь разжиться. Как ты думаешь, они дома или на даче?

– Дома-дома, в стенном шкафу в коридоре посмотри. Я пуховое одеяло весной убирала и точно эту коробку двигала. Еще подумала, что и не нужно, вроде как старье такое, а выбросить жалко. В этих сколках фактически вся история нашей семьи.

– Вот и хорошо, что не выбросила, глядишь, найду. Кстати, пока буду искать нужное для новой клиентки, заодно все переберу, возможно, и другие идеи появятся. Винтаж нынче в моде. А все новое, как известно, хорошо забытое старое.

Быстро переодевшись в домашний костюм и умывшись, Снежана нырнула в недра стенного шкафа. Искомая коробка нашлась довольно быстро. Задвинутая к стенке, она стояла на второй полке снизу, сразу за старинной керосиновой лампой. Сколько Снежана себя помнила, лампой они не пользовались ни разу, да и керосина в доме точно не было.

Вытащив коробку, оказавшуюся неожиданно тяжелой от хранившихся в ней сложенных листов, скрученных свитков и картонных прямоугольников, Снежана отнесла ее в комнату, служившую раньше мастерской для мамы, а теперь ставшую ее рабочим кабинетом, и водрузила на стол.

Узоры на лежавших сверху листах бумаги были просты и довольно неинтересны. Ну да, это те самые первые сколки, по которым она в детстве набивала руку, выплетая снежинки. Затем она вытащила еще несколько листов и засмеялась. Это были ее рисунки с первыми самостоятельно разработанными узорами: смешная вислоухая собака (когда она ее сплела, папа особенно восторгался), пузатая матрешка, лупоглазая стрекоза, принц и принцесса из «Бременских музыкантов».

Снежана помнила, как ей хотелось сплести кружево именно с этим узором, с каким тщанием она вырисовывала сколок и с каким энтузиазмом приступила к плетению, а потом бросила, потому что у нее ничего не получилось, – мастерства не хватило. Сколько ей тогда было,

лет двенадцать? Сейчас эта работа заняла бы у нее максимум два дня, но какие бременские музыканты в тридцать четыре года!

Вздыхнув, она отложила рисунок в сторону и достала другой, напевая себе под нос: «Куда ты, тропинка, меня завела-а-а-а...» А, да, это жар-птица, прообраз той, что сейчас жила на пяльцах. Нет, это все не то.

– Снежинка, иди ужинать.

– Иду-у-у, – прокричала она и, отодвинув белые листы бумаги, взяла один из пожелтевших, старых, тех самых, доставшихся от маминой бабушки.

На хрупком от времени листе бумаги вилась, складываясь в узор кружевной косынки-шали, характерная вологодская вилюшка, – ее Снежана сплела бы даже с закрытыми глазами. Она собралась отложить листок в сторону и вдруг замерла, увидев в верхнем правом углу кружевной вензель Т.М. Такой же точно был на сколке, который пару дней назад показывала ей Лиля, точнее, ее постоянная заказчица Лилия Лаврова, работавшая помощником начальника Следственного комитета.

Сколок, тоже пожелтевший и старый, был найден на месте преступления, кажется, убийства. Собственно говоря, Снежана и определила, что это именно сколок, вот только о двух переплетенных буквах на нем ничего сказать не смогла. И вот, пожалуйста, такой же вензель нашелся в ее домашней коллекции!

– Ма-ам. – С листком бумаги в руках она пришла на кухню, где мать уже раскладывала по тарелкам оглушающе пахнущую жареную картошку. Ну, как тут похудеть? – Ма-ам, а ты не знаешь, что это такое?

Она протянула матери старинный сколок. Та отставила в сторону сковородку, положила на стол прихватки, спустила со лба на нос очки и внимательно посмотрела. В семье Машковских как-то повелось, что вопросы никогда не считались лишними или ненужными. Раз человек спрашивает, значит, ему надо. А раз надо, значит, следует ответить.

– Сколок с шалью, выполненной в классическом вологодском манере, – ответила мать.

– Я вижу, а вот эти буквы, что могут значить, как ты думаешь?

Мама посмотрела внимательнее, оставаясь совершенно безмятежной. Нет, загадка сколка ее совершенно не взволновала.

– Ну, если речь идет о кружеве, то буквы Т.М. могут означать только имя мастерицы – Татьяна Макарова. Странно, я как-то раньше не замечала.

– Татьяна Макарова? Я никогда не встречала такого имени, хотя о кружеве, кажется, в детстве прочитала все.

– Глупышка, – мама вдруг засмеялась, – конечно, ты видела это имя, оно даже на экспозиции в музее вологодского кружева упоминается. Просто Макарова – это девичья фамилия, а после замужества все знали ее как Татьяну Елисееву, одну из лучших в нашей области кружевниц.

– погоди, мам, – Снежана совсем запуталась, – ты же говорила, что Татьяна Елисеева – это моя прапрабабушка.

– Если быть совсем точной, то она бабушка моей бабушки, – с достоинством сказала мама. – Она бабулю вырастила и плести научила. Бабушка мне в детстве про нее очень часто рассказывала и кружева хранила, как образец, и сколки эти наверняка ее. Кружева я в музей отдала, а сколки, видишь, сохранила. Так вот в юности она была Макарова и училась, между прочим, у самой Софии Брянцевой.

Про Софию Брянцеву и ее мать Анфию Федоровну Снежана, разумеется, знала. Их собранная по крупницам биография была известна всем плетелям, претендующим не только на ремесло, но и на искусство.

Брянцевы принадлежали к большому священническому роду. Все предки Анфии Федоровны, родившейся в 1812 году, были рукоположены в сан и в течение нескольких поколений

служили при церкви. Мальчики получали семинарское образование, наследуя профессию от отцов, девочек учили рукоделию и обязательно грамоте. Росли они в молитве и благочестии, поскольку родители воспитывали из дочерей будущих матушек. А рукоделие, в том числе и истонное умение плетей, было своего рода продолжением молитвы.

Богатой семья не была, ведь постоянный оклад священникам не полагался, так что умелые женские руки слыли источником семейного процветания. Анфию Федоровну в возрасте 24 лет выдали замуж за Петра Степановича Брянцева, предки которого тоже были священниками. Сам же он, окончив духовную семинарию, служил канцеляристом в уездном суде. В 1837 году у пары родилась дочь София, которую уже с пяти лет мать научила искусству плетей.

Все свободное время мать и дочь плели кружева, а также разрабатывали сколки. И если Анфия Федоровна была тем самым человеком, который положил начало особому вологодскому манеру, то из дочери Софии она сделала лучшую в округе кружевницу.

К примеру, на выставке 1882 года экспонировалось кружевное дамское платье из шелка, надетое на желтый атласный чехол, сплетенное Софией и ее ученицами по заказу некоей Веры Вавиловны Юдиной. София за эту работу получила 84 рубля, а купить наряд с выставки можно было аж за полторы тысячи. Другое платье, которое сплели ученицы по сколку Софии Брянцевой, принесло знаменитой плетее пять рублей, а ушло в продажу за целую тысячу. Как читала Снежана в архивах, поднятых из запасников ее библиотеки, Брянцева подобную несправедливость терпеть не стала и написала жалобу на грубую эксплуатацию вологодских мастериц ².

Но более всего София Петровна была знаменита своей школой кружевниц, через которую во второй половине XIX века прошло почти восемьсот девушек. И среди них была Татьяна Макарова-Елисеева, Снежанина прапра... Бабушка прабабушки, вот кто. Значит, старинный сколок с листом принадлежал ей. И как он оказался на месте убийства?

– Ты есть будешь или нет? Картошка остынет, – спросила мама, не ведая о сделанном Снежаной важном открытии.

– Да. Нет. Позже. Мама, мне нужно позвонить, – пробормотала она и бросилась в мастерскую, к коробке со сколками и лежавшему рядом телефону.

Лилия Лаврова ответила сразу.

– Лилечка, это Снежана, – она почему-то очень волновалась, как будто от этого разговора сейчас зависела ее жизнь. – Я знаю, что означают буквы Т.М. на найденном листе.

– Да, и что же? Как ты узнала? Я же просила никому ничего не говорить, – строго сказала Лиля.

– Нет-нет, я ничего и не говорила, что ты! Просто я стала разбирать коробку со старыми сколками и нашла один с такими же буквами. Спросила у мамы, что они могут означать, и выяснилось, что это вензель нашей бабушки, то есть бабушки прабабушки. В общем, ее звали Татьяна Макарова, она была очень хорошей кружевницей и автором сколков. Так мама сказала.

– Снежана, а я могу поговорить с твоей мамой? Но только так, чтобы ее не напугать.

– Да, конечно, ты можешь приехать к нам, когда удобно. Мама будет рада, потому что, признаться, гости у нас бывают нечасто.

– Хорошо, тогда я скоро приеду. И еще, Снежана, вы не будете против, если я захвачу с собой своего коллегу? Дело в том, что он ведет это дело, и мне неловко перехватывать у него инициативу. У нас так не принято.

– Да что ты оправдываешься, Лиля, – засмеялась Снежана. – У нас довольно хлебосольный дом, поэтому мы всем рады. Приезжай, с кем хочешь. У нас и булочки напечены. С корицей.

² Использованы материалы книги С. Давыдовой «Русское кружево и русские кружевницы. Исследование историческое, техническое и статистическое». СПб. Тип. А.С. Суворина, 1892.

В дверь позвонили минут через двадцать. Мама, обрадовавшаяся гостям, как раз успела накрыть на стол, а Снежана – сменить домашний костюм на джинсы и свитерок. Ходить перед посторонними распустехой она не любила.

На пороге стояли Лиля и довольно крупный мужчина, такой высокий, что Снежане пришлось задрать голову, хотя Дюймовочкой она не была.

– Следователь Зимин, – представился он. – Михаил Евгеньевич.

– Снежана Машковская. Проходите, пожалуйста.

Гость шагнул через порог и сразу заполнил собой немаленькую, в общем-то, прихожую, в одночасье ставшую тесной. И как это у него получается? В дверях появилась мама, пытающаяся скрыть любопытство. Все-таки следователь к ним в дом приходил впервые.

– А я вас знаю, – сказала она Лиле. – Вы пять лет назад заказывали у нас свадебное платье. Правда, Снежинка? Очень необычное, не белое, а пепельно-розовое. И у него еще была чудесная кружевная вставка на спине. Кажется, какой-то цветок.

– Лилия, – улыбнулась гостя. – В честь моего имени. Муж настоял. Он вбил себе в голову, что этот цветок – символ того, что он меня обожествляет. Мне это было немножко смешно, в силу профессии, разумеется, да и вообще с языком цветов у меня к тому моменту сложились напряженные отношения ³, но он убедил меня, что нужно смело смотреть в лицо своим страхам, и я согласилась. А кружево ваша дочь сплела совершенно чудесное. И тогда и потом.

– Негоже лилиям пряться, – пробормотал вдруг следователь Зимин. Снежана в недоумении уставилась на него. – Извините, вспомнил роман Дрюона, понимаю, что не к месту.

– Какие начитанные у вас следователи, – не удержалась от подкола Снежана. – Мама, познакомься, это Михаил Евгеньевич. А это моя мама, Ирина Григорьевна. Да вы проходите, пожалуйста, будем чай пить.

– Чай пить, разговоры разговаривать, – весело подхватила Лилия.

– Да-да, я сегодня испекла плюшки с корицей. – Мама тут же засуетилась, наливая заварку и кипяток, пододвигая плетенку со своими знаменитыми плюшками. – А может, вы есть хотите? Снежинка тоже не ужинала, а у меня картошка нажарена, хрустящая. Будете?

Зимин сглотнул слюну. Лицо у него стало несчастное, как у ребенка, которому показали давно вожделенную игрушку.

– Я бы поел, – признался он, – пообедать сегодня не получилось, и когда рабочий день закончится, я тоже пока не знаю. А жареная картошка – мое любимое с детства блюдо. Мама ее хрустящей жарила, а с тех пор больше никто.

– Что же вы жену не научили правильно жарить картошку? – спросила Снежана, которой гость отчего-то не нравился. В нем было что-то опасное, как в медведе-шатуне, вдруг встретившемся на пути в мирном и спокойном на вид лесу. То ли бежать, то ли падать, притворяясь мертвой, сразу и не разберешь.

– Снежинка, – укоризненно воскликнула мама, – где твои манеры? А вы, Михаил Евгеньевич, не слушайте ее, садитесь за стол, картошечки я вам сейчас положу. Она у меня, скажу без ложной скромности, вкусная, фирменная.

Пока рассаживались, возникла неизбежная в таких случаях суматоха. Стучали стулья, звенели ножи и вилки, звякали тарелки и чашки, слышались обрывочные фразы: «спасибо», «на здоровье», «пододвинь хлеб», «вот масло», «ох, горячо». Но наконец все стихло.

– Ирина Григорьевна, – Лилия наконец-то перешла к тому важному вопросу, ради которого они пришли, – пару дней назад я обратилась к вашей дочери за консультацией по одному очень деликатному делу. Мне была важна полная конфиденциальность, поэтому я попросила Снежану не говорить о нашей беседе никому, даже вам.

³ Подробнее читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов».

– Понимаю, – спокойно ответила мама, – и совершенно не обижаюсь. Мой покойный муж приучил нас обеих к тому, что существуют вопросы, в которые лучше никого не посвящать. И я отношусь к этому с пониманием.

– Но сейчас нам нужна именно ваша помощь, Ирина Григорьевна, поэтому я вам все расскажу, разумеется, тоже конфиденциально.

– Разумеется.

Снежана сейчас искренне любовалась мамой, маленькой, изящной, сохранившей удивительную красоту, которую не портили слегка дрожащие руки и седые пряди в волосах, держащейся с достоинством, но при этом максимально доброжелательно.

Лиля принялась рассказывать про обнаруженный в лесу труп и сколок с вензелем Т.М., найденный при нем. Мама слушала внимательно, не перебивая, лишь побледнела немного при упоминании чемодана со страшной находкой внутри.

– И что же, эта погибшая женщина до сих пор не опознана? – спросила она, когда Лиля замолчала.

– В том-то и дело. Ни от кого в округе не поступало заявления о пропаже кого-то из близких, исчезновении соседей или знакомых. С момента обнаружения трупа прошла уже неделя, и ни одной зацепки, кроме этого сколка. Снежана сказала, что инициалы Т.М. могут принадлежать вашей дальней родственнице, вот я и подумала: вдруг вы сможете подсказать, откуда в лесу мог взяться сколок ее работы.

– Да, Т.М. – это бабушка моей бабушки, Татьяна Макарова или, как звали ее в семье, Таточка. Она в юности мечтала разработать уникальное кружево, которым можно было гордиться даже перед ее учительницей Софией Петровной Брянцевой, и поэтому тщательно маркировала свои сколки. Сейчас бы сказали, что ее беспокоило соблюдение авторских прав, а тогда такого понятия, конечно, не было, а вот воровство чужих идей уже процветало. Но потом Таточка вышла замуж, стала Елисеевой, родила одного за другим семь детей и поменяла жизненные приоритеты. Нет, плести она, конечно, не перестала, потому что этим в конце девятнадцатого века многие женщины в нашей округе на жизнь зарабатывали, но это уже было, скорее, ремесло, а не творчество. Сколки она больше не разрабатывала, плела на заказ мерное кружево, на платья и шали не замахивалась.

– Что, по-вашему, изображено на этом сколке?

Лиля достала листок старой бумаги, уже виденный Снежаной, и бережно развернула. Кленовый лист, крупный, прозрачный, пронизанный прожилками и окутанный паутинкой изморози, красовался на нем.

– Лист клена, – пожала плечами мама. – Бабушка рассказывала, что Таточка была очень наблюдательная, и, когда обучалась кружевному искусству, старалась зарисовывать все необычное, что попадалось ей на глаза: снежинки, листья, цветы, божьих коровок. Из всего, что видела в природе, она пыталась сделать сколок, но особым успехом такие работы не пользовались. Все предпочитали классический узор, поэтому подобные упражнения она забросила.

– У кого мог оказаться ее сколок, тем более, вы говорите, что подобные мотивы были никому не интересны?

Мама пожала плечами.

– Да у кого угодно. У нас довольно много Таточкиных сколков, но это и понятно. Она всю жизнь их берегла, как память о юности и встречах с Софией Петровной, а потом, перед смертью, отдала своей внучке, моей бабуле. Та была ее любимицей. Бабуля их тоже бережно хранила, потому что к Таточке в семье относились очень трепетно. Моя мама, к сожалению, кружевоплетением не владела. Бабуля родила ее в 1913 году, потом в революцию мой дед погиб, и бабуля осталась одна, выживала, как могла, в те годы не до кружев было. Увлечение свое она начала передавать, когда мне десять лет исполнилось. Бабуле тогда было уже под семьдесят, она страдала артритом, так что с коклюшками управлялась с трудом, но заинтересовать меня

искусством плетения успела и перед смертью отдала коробку с Таточкиными и своими сколками. Но сколько всего их у нее было? Кому сама Таточка могла их отдать, к примеру, для работы? Это мне неизвестно.

– Ирина Григорьевна, а вы уверены, что к жертве не могли попасть сколки именно из этой коробки?

– Совершенно уверена. Мы ее лет десять из шкафа не доставали, если не больше.

– Я в детстве по ним плела, – вступила в разговор Снежана. – Простые освоила, а сложные мне не поддались, мастерства не хватило. Потом я плетение на много лет забросила, а когда вернулась к этому занятию профессионально, мне уже было гораздо интереснее свои узоры разрабатывать. Так что мама права, мы много лет не доставали эту коробку и никому из нее ничего не передавали.

– А почему сейчас достали? По моей просьбе? – спросила проницательная Лиля, не упустившая ни одной детали.

– Нет, когда ты спрашивала, я про эту коробку даже не вспомнила. Никогда не обращала внимания на инициалы на сколках или просто забыла. Я заказ сегодня получила на кружево, выполненное под девятнадцатый век, и в поисках вдохновения вспомнила об этих сколках.

– Если я все правильно понял, – сказал внимательно слушающий их беседу Зимин, – на трупе был найден сколок девятнадцатого века, который принадлежал вашей старшей родственнице. У вас есть коллекция таких же рисунков, но найденный вы никогда не видели, никому его не передавали, и из вашей коробки ничего не пропадало. Так?

– Так, – хором ответили Снежана с мамой.

– И у вас нет знакомых, которые могли бы интересоваться старыми работами, принадлежавшими членам вашей семьи?

– Нет, – на этот раз ответила мама, а Снежана лишь кивнула.

– Получается, единственная зацепка в расследовании преступления у нас по-прежнему – рисунок кружева, только теперь мы знаем, кем и когда он был нарисован. Осталось только понять, может ли нам это как-то помочь. Скажите, а другие родственники, у которых могли бы остаться работы Татьяны Макаровой, есть?

– Несомненно, – пожала плечами мама. – У Таточки было семеро детей, но кто-то умер в детстве, кого-то погубила революция, а потом война. Моя мама у бабушки была уже единственным ребенком, и, по ее словам, ни с кем из двоюродных она никогда не общалась. Ну и плетением кружев они вряд ли интересовались, потому что мама моей бабули была единственной девочкой. Все остальные дети Таточки – сыновья, так что свои умения она передала одной наследнице – своей внучке, моей бабуле.

– Подумайте, может, вы еще что-то вспомните. Какие-нибудь детали, которые могли бы пролить свет на личность потерпевшей.

– Бабуля рассказывала, что Таточка была довольно замкнутым человеком, точнее, крайне недоверчивым. Она с детства талдычила бабуле, что та не должна доверять чужим людям, какими бы близкими они ни казались. Кажется, у нее в юности были закадычные подружки, которые ее то ли предали, то ли обманули, и она до конца жизни так и не смогла снова довериться людям. Деталей я не помню, если честно. Столько лет прошло, да это никогда и не казалось мне важным. Я вообще рассказы про Таточку слушала исключительно из любви к бабуле. Мне самой давно умершая женщина, которую я никогда не видела, была совершенно неинтересна.

– Что ж, будем считать, этот путь в расследовании тупиковый, – задумчиво сказал Зимин. – И будем продолжать искать пропавших людей. Так мы явно быстрее установим личность жертвы.

– Михаил Евгеньевич, Лиля, а можно попросить, чтобы вы потом рассказали нам, кем она была? Если честно, очень интересно, откуда у нее сколок Татьяны Макаровой, – попросила Снежана. – Вдруг, идя от обратного, это тоже удастся выяснить.

– Договорились, – энергично сказала Лиля. – Спасибо вам и за угощение, и за беседу.

Гости встали из-за стола, и Снежане показалось, что следователь с сожалением посмотрел в сторону стоявшей на плите сковородки, в которой еще оставалось немного картошки. Его что, правда жена не кормит? Сама она не чувствовала голода, хоть поела совсем немного. Таинственная история, уходящая корнями в прошлое ее семьи, будоражила воображение.

Снова переодевшись в домашнее, Снежана вернулась в комнату-мастерскую, прикрыла дверь и начала решительно доставать из стоящей на столе коробки пожелтевшие листы бумаги, украшенные вензелем Т.М.

* * *

Татка разогнулась, закончив кружевной воротничок, начатый еще на прошлом занятии, и незаметно потеряла затекшую спину. Ее учительница София могла работать часами, не проявляя ни капли усталости, и Татке было стыдно, что она такая невыносливая. Интересно, обед скоро?

Есть ей не хотелось, но надежда увидеть пришедшего из суда Петра Степановича приятно холодила кончики пальцев. Пусть отец Софии и старый, сорок шесть лет, зато какой красивый, аж сердце замирает.

– Девочки, перерыв, – скомандовала София и павой выплыла из комнаты, где занимались ученицы.

Татка достала узелок со скромным обедом. К ней под села Дуся и вытянула из-за пазухи ломоть ржаного хлеба да луковицу. Татка вздохнула. Дусина семья жила бедно, гораздо беднее, чем Таткина, и она, как могла, подкармливала подругу, прихватывая из дома лишний огурец или картофелину, делясь куском домашнего пирога – в те дни, когда он был, конечно. Вот и сегодня она отломил половину вытащенной поутру из чугунка картошки и протянула подруге тонкий, прозрачный, розовый кусок домашнего сала. Неделю назад отец забил поросенка, и сало поспело как раз к сегодняшнему утру, посыпанное крупной солью и черным перцем, а еще натертое чесноком.

– На, держи.

– Сало? – недоверчиво спросила Дуся, не веря собственному счастью. – Не возьму, сама ешь.

– Да мне мамка на тебя дала, – засмеялась Татка, отдавая дань уважения щепетильности подруги. Дуся была бедная, но гордая, одалживаться не любила. – Ешь, вкусное.

Рядком под села Палашка, достала из берестяного теска ломоть пшеничного хлеба, кусок отварного мяса и горшочек с винегретом. Даже у Татки рот непроизвольно наполнился слюной от поплавшего по комнате запаха подсолнечного масла, а уж Дуся и вовсе чуть не заплакала. В ее семье винегрет ели только по праздникам, о мясе мечтать и вовсе не приходилось. Его готовили редко, а из супа раскладывали по тарелкам только работникам – мужчинам.

– Ты в сторонке не могла поесть? – в сердцах спросила Татка у второй подруги. – Понимаешь ведь все, зачем дразнишься.

– Я не дразнюсь, я ем, – ответила Палашка, вгрызаясь в мясо острыми белыми зубами, которые придавали ей сходство с хорьком. – И вы ешьте, я же вам не мешаю.

– Оставь, – тихонько прошептала Дуся, видя, что Татка готова взорваться и наговорить жадной подруге гадостей. – Ешь быстрее, еще прогуляться успеем.

Если она хочет застать Петра Степановича, стоит поторопиться. Татка быстро съела свою половину картофелины, соленый огурец и кусочек сала, лежащий на хлебе, ссыпала в рот

крошки, отряхнулась и потянула за руку Дусю, не глядя на продолжавшую трапезничать Пелагею.

– Пойдем.

Натянув верхнюю одежду, девушки выскочили в коридор, поспешили в сторону входной двери и вдруг замерли – она открылась, впуская внутрь клубы холодного воздуха и скрытого в них хозяина дома, Петра Степановича Брянцева.

Охнув, Татка отступила в сторону, спряталась под лестницей, ведущей на второй этаж, и смотрела на своего кумира, не в силах отвести глаз от его выразительного и почему-то раздраженного лица. Ей в шею сопела Дуся.

Дверь снова отворилась, и теперь в клубах уличного тумана в дом ввалился гость – невысокий шуплый мужчина в суконном пальто и мятом картузе. Его, впрочем, он снял и держал в руке.

– Петр Степанович, миленький, вы зря отказываете, – бормотал он фальцетом. Присевшим под лестницей девчонкам было слышно каждое слово. – Я же ни о чем особом не прошу. Ну что вам стоит дело с полочки снять и в портфельчике домой унести. Вы же в канцелярии работаете, у вас все дела уездного суда под рукой. Судья с делом пока и не знакомился вовсе, а если вы папочку заберете, то и не ознакомится. Петр Степанович, вы хоть крест-то посмотрите! В нем сапфиры настоящие. Семейный, от деда достался, большие тыщи стоит. Дед, когда помирал, строго-настрого запретил продавать, как бы туго ни было. И я бы ни в жизнь не расстался с реликвией семейной, но ради брата ничего не пожалею. Давайте, я вам крест, вы мне папочку, и разойдемся. Обещаю, что никогда-никогда вы меня больше не увидите.

– Любезный, пойдите вон, – нервно отвечал Петр Степанович, стаскивая с шеи шарф. – Если вы не отстанете, я в полицию обращусь. Вы же меня на преступление толкаете, как вам не совестно! Никогда я не соглашусь на то, что вы предлагаете. Никогда! И оставим этот разговор, милостивый государь.

Сняв пальто, он указал гостю на дверь, и тот, пятясь задом, исчез за ней, совершенно неслышно. Хозяин дома широкими шагами прошел из прихожей в жилые комнаты, на ходу зовя жену. Девчонки под лестницей перевели дух.

– Ну, пойдем на улицу, что ли? – робко спросила Дуся.

Тата молчала, заново переживая счастливые мгновения, когда ей удалось увидеть Петра Степановича. Дуся, не дождавшись ответа, потянула ее за руку, но вылезти из-под лестницы девушки не успели. Дверь снова открылась, пропуская шуплого гостя, который, пугливо озираясь по сторонам, прошмыгнул в прихожую и положил что-то на стоящий перед зеркалом комод.

– Все сначала ломаются, – бормотал он себе под нос, – экая беда взятку получить! Это только в первый раз трудно да неудобно, а потом как по маслу. Хотя уж сколько лет работает, должен был привыкнуть. Или цену набивает – так этому кресту цена немалая. Всяко, больше тыщи рублей стоит, а глядишь, и больше. Ну да ничего, найдет, разберется, что к чему, и в помощи, главное, не откажет.

Пристроив невидимый издали предмет на комод, мужчина юркнул за дверь, словно его и не было. Переведя дух, Тата вылезла из-под лестницы вперед Дуси.

– А что он туда положил? – прошептала любопытная подружка. – Давай посмотрим!

Хотя это и было неудобно, Тата тоже считала, что посмотреть надо. От мужичонки исходила опасность, точнее, какой-то неприятный дух, который люди, подобные Брянцеву, нутром чувствовала Тата, воспринимали с презрением и гадливостью. Оставленный в доме предмет грозил неприятностями, а значит, от него нужно было избавиться.

Практически не дыша, девушки подошли к комоду и замерли. На дубовой поверхности лежал золотой крест, щедро украшенный россыпью синих камней – гость, кажется, называл их сапфирами. Дуся протянула руку, взяла крест и покачала на ладони.

– Тяжелый, – прошептала она, – правда дорогой, наверное.

– Его нельзя здесь оставлять, – решительно сказала Тата. – Петр Степанович ясно сказал, что ничего подобного не возьмет, а значит, очень расстроится, когда его увидит.

– И что ты предлагаешь? Выбросить? Или спрятать? – недоумевающе спросила Дуся. – Он же ужас просто какой дорогой! Этот дядька сказал: больше тысячи стоит. Таких денег до конца жизни хватит! Тат, может, если Петру Степановичу он не нужен, мы его себе заберем? Придумаем, как продать.

– Дуся, ты с ума сошла! – всплеснула руками Тата. – Как можно взять себе чужое? Ты же слышала, что этот человек от Петра Степановича взамен какой-то непотребной услуги требовал. У Брянцевых неприятности могут выйти по служебной линии. Понятно, что крест нужно вернуть владельцу.

– А как?

– Да он же не успел далеко уйти, догоним его и отдадим, – решительно сказала Тата, схватила по-прежнему лежащий на ладошке Дуси крест и потянула ее за руку. – Побежали, как раз до конца перерыва успеем!

Девочки толкнули тяжелую дверь, впустив в прихожую новую порцию морозного воздуха. Ой, и студено сегодня!

– Эй, вы куда без меня? – окликнула их появившаяся в прихожей Пелагея, наконец расправившаяся со своим вкусным обедом. – Подождите, я тоже с вами.

– Давай быстрее, – бросила через плечо Тата, – а то упустим.

– Кого?

– Некогда, потом объясню.

Выскочив на улицу, Тата остановилась, пытаясь понять, в какую сторону мог пойти странный гость Брянцевых. Затея найти его и вернуть крест уже казалась ей глупой и пустой. Холодный металл жег пальцы, как будто Тата вещь украла.

– Вон он! – заголосила вдруг Дуся, и Тата вздрогнула.

– Не кричи, – шикнула она на горластую подружку. – Сама вижу, побежали.

За это время незнакомец успел отойти от дома Брянцевых квартала на два. Как только глазастая Дуся его и разглядела! Девушки припустили по улице, стараясь не бежать сломя голову, чтобы не привлекать внимания.

– Куда вас несет-то? – вопрошала едва поспевающая за ними Палашка. – Сейчас перерыв уже кончится. Опоздаем, будет нам!

– Да успеем.

На их счастье, незнакомец остановился, вернее, был остановлен налетевшим на него мужчиной. Они заспорили, сначала спокойно, а потом распаляясь все больше и больше. Второй мужчина, более рослый и крепкий, схватил первого за грудки. До успевших подойти поближе девушек донеслось слова «крест», «брат» и «канцелярия».

– Вы за этими двумя, что ли, гонитесь? – прошептала Палашка. – А кто они такие?

– Да тише ты, мы тебе потом все расскажем, – взмолилась Тата.

Отчего-то ей было очень страшно. Зажатый в ладони крест все сильнее жег пальцы, и она сунула его в карман, под варежку, которую так и не подумала надеть.

Оказавшись невдалеке от спорящих мужчин, девушки нерешительно застыли, не зная, что делать дальше. Не подойдешь же к двум ссорящимся незнакомцам, да еще и по такому щекотливому делу! Тата уже и сама была не рада, что ввязалась в столь сомнительное мероприятие. Как отдать крест, который они фактически стащили с комода в доме Брянцевых? Что сказать? Как объяснить?

Впрочем, расстроиться окончательно Тата не успела. На их глазах высокий мужчина толкнул своего собеседника на проезжую часть. Тот, нелепо взмахнув руками, не удержался на ногах и начал падать навзничь, прямо под копыта лошади проезжавшего мимо извозчика.

Испуганная лошадь заржала, метнулась в сторону, попробовала встать на дыбы, в воздухе мелькнули две не очень новые, изрядно сточенные подковы. Тата, как замороженная смотрела, как они опускаются прямо на голову упавшему, а затем раздался омерзительный хруст и чей-то дикий, истошный визг. Дуся резко ударила Тату по щеке, и только тут до нее дошло, что визжит она сама.

Застывшая было картинка пришла в движение. Ржала лошадь, матерился извозчик, кричали женщины, двое мужчин подбежали, чтобы помочь бедняге, но было уже поздно.

Второй спорщик, внезапно ставший убийцей, попятился, не отрывая взгляда от кровавого месива на мостовой, повернулся и бросился бежать прочь. Его кинулись догонять, раздался полицейский свисток.

Улица кружилась у нее перед глазами, мелькали лица, невесть откуда взявшийся свет слепил глаза. Тата закрыла их, чтобы спрятаться от этого причиняющего боль света, и провалилась в глубокий обморок. Последним, что она увидела, стало белое испуганное лицо Дуси.

Глава третья

Если хочешь добиться успеха, будь готова потратить много времени. Этому правилу, много раз опробованному на собственной шкуре, Снежана следовала неукоснительно, и оно никогда ее не подводило. Вот и сейчас после полуторачасового разбора содержимого коробки она наконец нашла то, что искала, – образец винтажного кружева для коллекции домашнего текстиля, заказанной новой клиенткой. Да, вот это взыскательную Светлану Павловну точно обрадует.

Сколок, на котором была изображена сложная, искусно сочетаемая из разных узоров кружевная дорожка, состоящая из цветов и листьев, выплетенная классическим вологодским манером, но все-таки совершенно уникальная, тоже принадлежал Татьяне Макаровой. Наверху плотного листа бумаги стоял все тот же мастеровой знак Т.М., что означало – узор мастерица разработала еще до своей свадьбы.

Разложив его на свободной подушечке и оценив как следует, Снежана убедилась: это именно то, что нужно. На то, чтобы сплести необходимое количество метража для отделки, у нее, по прикидкам, должно было уйти около месяца. Что ж, за это время можно успеть выбрать и заказать ткани, дожидаться, пока их доставят, настроичить нужное количество скатертей, штор и постельного белья, а потом умело украсить их готовым кружевом. В голове у Снежаны уже вспыхивали идеи, как именно это сделать, чтобы получилось красиво, необычно, но при этом удобно. Да, новый заказ действительно обещал быть интересным.

Рабочий стол был завален другими рисунками, каждый из которых Снежана внимательно рассмотрела перед тем, как отвергнуть. Все сколки тоже были классными, но подходили не для коллекции текстиля, а скорее, для платьев или жакетов. Один сколок заинтриговал ее больше других. Она понятия не имела, что именно на нем изображено – на узор для отделки рисунок не походил ни капельки. Скорее, для настенного панно, на котором угадывалось небо, земля, дорога и отчего-то кладбище с могилами и крестами. Да, точно, в детстве она даже попыталась сплести узор по этому рисунку, но быстро запуталась и бросила. На этом листе инициалов Т.М. не было, но по особому стилю рисунка Снежана даже не сомневалась, что сколок тоже выполнен ее далекой прапрабабкой. Просто, видимо, позже, когда она уже не была Макаровой и оставила привычку подписывать свои работы.

Нет, это ей точно не пригодится. А вот образец кружева для будущей коллекции Светланы Павловны нужно до конца недели сплести. Со сколка заказчица вряд ли прочтает рисунок, а значит, не сможет оценить всю красоту замысла. Ну, до назначенной встречи время еще есть, а пока нужно закончить узор на платье для Веры Михайловны. Новый заказ, каким бы интересным он ни был, не должен сказываться на других клиентах и репутации Снежаны Машковской.

Приняв решение, она повеселела. Сейчас, когда мучившая ее проблема была решена, она вдруг почувствовала острое чувство голода и вспомнила, что за ужином почти ничего не съела. Кажется, на сковородке оставалась картошка – ее можно подогреть и съесть. Глянув на часы, Снежана обомлела: они показывали десять вечера. Да уж, не самое подходящее время для жареной картошки! Ну почему у нее так всегда? Заработается, замечается и не успеет поесть, набивает желудок на ночь, а потом плохо спит и вздыхает из-за несовершенства собственной фигуры. Нет, не будет она есть, потерпит до утра. Сама виновата, что не поела вовремя.

Мама уже спала. Она вообще ложилась рано и вставала на заре. Давно прошли те времена, когда она проводила в мастерской ночи. Всю жизнь считавшаяся совой, мама к старости превратилась в классического жаворонка. Снежане это было очень удобно, ведь поутру ее всегда ждал горячий завтрак со свежей выпечкой. Ну да, плюшки с корицей гости съели.

Урчащий живот и сосущее под ложечкой чувство голода не давали уснуть. Снежана ворочалась в постели, кляня себя за глупость. От мыслей о еде нужно было срочно отвлечься и подумать о чем-нибудь другом. Перед глазами тут же услужливо возник следователь Зимин, высокий, крупный, похожий на медведя. С медведем была связана какая-то тревожная ассоциация. Ах да, фильм «Обыкновенное чудо»: там героиня влюбляется в медведя, и это выливается в разные неприятности. То есть влюбляется она в человека, не зная, что он медведь. Вот и следователь Зимин тоже выглядит, как человек, но кажется медведем, при этом совершенно неподходящим объектом для внезапной влюбленности. Фу, какие только глупости с голодухи в голову не ползут!

Снежана вылезла из кровати и решительно прошлепала на кухню. Чистая сковородка сиротливо стояла на плите, но остатки жареной картошки нашлись в холодильнике, заботливо убранные мамой в пластиковый контейнер. Так, сейчас мы ее подогреем...

Минут через пятнадцать, доев картошку вместе с куском вареной колбасы и выпив чашку чаю с последней булочкой, Снежана вернулась в постель, привычно обозвала себя безвольной толстухой и тут же провалилась в сон, в котором не было ни кружев, ни медведей, ни тревоги.

* * *

Проснувшись она от звонка будильника, который всегда заводила в будни, чтобы не позволять себе расслабляться. Работа есть работа, даже если работаешь на себя и над твоей головой не стоит начальник с кнутом. С кухни тянуло приятными запахами. Так, омлет и круассаны с шоколадом. Ох, мама-мама!

Позавтракав и умывшись, Снежана уселась перед пальцами, дав самой себе зарок за сегодня закончить жар-птицу. За ровным мелодичным звоном коклюшек время летело незаметно. Да и для посторонних мыслей места в голове совсем не оставалось. Впрочем, прерваться все-таки пришлось. Позвонила Лида, запыхавшись сказала, что пришла новая клиентка, «о-о-очень дама», и заинтригованная Снежана, переодевшись, спустилась в ателье.

Там действительно сидела «о-очень дама», не ошиблась Лида. На первый взгляд ей было лет шестьдесят, но второй, более внимательный, выдавал, что ей гораздо больше. Дама была точно не моложе мамы, просто выглядела прекрасно. И дорого.

– Здравствуйте, я владелица этого ателье, – доброжелательно поздоровалась Снежана. – Вы хотите что-то у нас заказать?

– Нет, – голос дамы звучал мелодично и очень молодо, и в нем было что-то неправильное. – Заказывать я ничего не хочу, а пришла для того, чтобы с вами познакомиться. Позвольте представиться – Татьяна Алексеевна Елисеева.

Да, точно, дама говорила с ощутимым иностранным акцентом, словно русский не был ее родным языком. Но при этом имя-отчество и фамилия все-таки были русскими, причем смутно знакомыми.

– Очень приятно, Снежана Машковская. – В голос пришлось подпустить вопросительную интонацию. Для чего с ней знакомиться, если не для заказа какого-нибудь наряда?

– И мне очень приятно. Наконец-то я вас нашла. Дело в том, что я – ваша родственница. Дальняя, разумеется.

Снежана смотрела на нее, не понимая, словно вдруг очутилась в театре абсурда. Родственница? Какая родственница, если они с мамой – единственные дети в семье. Как, она сказала, ее зовут? Татьяна Алексеевна Елисеева? Татьяна Елисеева, в девичестве Макарова – бабушка маминой бабули, та самая мастерица, чьи инициалы стоят на злополучных сколках. То есть гостя – тоже ее потомок? Но откуда она взялась и почему именно сейчас? Снежана почувствовала, что у нее начала кружиться голова.

– О-о-о, я вижу ваше недоумение, детка. Понимаю, вы не были готовы к моему появлению. Но я так долго искала свою родню, так терпеливо ждала, когда смогу приехать в вашу страну, и так немолода, чтобы ждать еще... Я отправилась в путешествие, несмотря на закрытые границы, чтобы все-таки увидеть вас.

Снежана молчала, чувствуя, как бешено колотится сердце. Несмотря на внешнюю приятность дамы, она просто кожей чувствовала исходящую от нее опасность. Или возможные неприятности? Она и сама не знала. А вдруг дама имеет отношение к найденному в лесу трупу? Но как и почему?

– Детка, что же вы молчите? – прабабкина тетка всплеснула руками. – Я вас напугала? Расстроила? Давайте же присядем, и я вам все объясню.

Снежана вдруг обратила внимание на застывшую рядом Лиду, которая жадно ловила каждое слово. Вот еще не хватало устраивать спектакль перед посторонними!

– Татьяна Алексеевна, – решительно сказала она, – давайте поднимемся к нам домой. Мы с мамой живем в этом же доме, и я уверена, что ей тоже будет очень интересно вас послушать. Девочки, работайте, я спущусь позже.

– Я знаю, где вы живете, – сообщила дама. – Я вообще все про вас знаю. Просто решила сначала встретиться с вами, деточка, как с представителем более молодого поколения. Ваша мама, как и я, немолода. Я хотела убедиться, что лишние волнения, связанные с моим появлением, ей по силам.

* * *

Дома Снежана в очередной раз убедилась, что ее мама слеплена из гораздо более крутого теста, чем она сама. По крайней мере, у мамы появление дальней родственницы никакого ступора не вызвало, только чистую и незамутненную радость.

– Боже мой, Таточка... Можно я буду вас звать именно так? Какое же счастье, что вы приехали! Мы только вчера вспоминали нашу с вами бабушку, и тут вы – счастливое совпадение.

Снежана нахмурилась – в отличие от мамы, счастливое совпадение она вовсе не считала.

– Проходите, сейчас будем пить чай и разговаривать. Кто же вы? Как нас нашли? Где живете?

– О, Ирочка, я тоже очень рада нашему знакомству, – отвечала гостья, все с тем же едва уловимым акцентом, который придавал ее речи легкую странность и в то же время шарм. – Конечно же, я все вам расскажу, я же для этого и приехала. Как хорошо, что открыли прямой рейс из Женева в Москву! Как только я смогла купить билет, сразу отправилась в путь.

– Время для перелетов и путешествий сейчас не самое благоприятное, – сухо сказала Снежана.

– О, детка, если бы я ждала благоприятного времени, то могла и не успеть вас повидать! Мне семьдесят девять, а это тот возраст, когда уже можно перестать считаться с внешними обстоятельствами. И еще я, слава богу, могу позволить себе такую роскошь, как перестать бояться смерти. Гораздо страшнее – умереть, не успев выполнить запланированное.

С удобством расположившись на кухне, гостья принялась рассказывать, не забывая прихлебывать чай и хвалить мамину выпечку. Как уже знала Снежана со слов мамы, у знаменитой плетей Татьяны Елисеевой родилось семеро детей. Старшая дочь Наталья появилась на свет в 1864 году, внучкой ей приходилась мать Ирины Григорьевны. Затем в течение десяти лет Тата родила шесть сыновей, младшим из которых был Георгий Елисеев, дед неожиданной гостьи. Таким образом, степень родства была установлена. Седьмая вода на киселе, иначе и не скажешь.

Мама, тем не менее, сияла от радости.

– Я всегда так страдала от того, что у нас небольшая семья, – говорила она, хлопоча на кухне и подливая Татьяне Елисеевой чаю. – Моя мама была единственной дочкой в семье – дед рано погиб. Она тоже родила только меня, потому что годы были тяжелые, работать приходилось много, да и поздним я оказалась ребенком. И Снежинка у меня появилась уже в зрелые годы, о втором ребенке мы с мужем думали, но не успели. В общем, я всегда завидовала дружным большим семьям, а у самой не сбылось. Так уж сложилось, что мы со Снежинкой одни на всем белом свете, а сейчас получается, что нет. Пусть и дальняя, а все-таки родная кровь. Не водица.

– Татьяна Алексеевна, а расскажите о себе, – попросила Снежана, настороженность которой все не проходила. Нет, не к добру появилась эта родная кровь, не к добру! – Вы из-за границы прилетели, значит, там живете?

– Да. Дед мой, Георгий Елисеев, Таточкин сын, у Колчака служил, потом во Владивостоке оказался, затем в Харбине. К счастью, к нему семья успела приехать – жена и сын, мой отец Алексей Елисеев. Ему тогда четырнадцать лет было. Потом они оказались в Париже: вполне понятная для тех лет история. Жили трудно, разумеется, но папе образование смогли дать. Потом он в Америку уехал и там сумел на ноги встать. Он предприимчивый очень человек был. Не женился долго, но это, как я с ваших слов поняла, в нашей семье дело обычное. Я родилась, когда ему уже тридцать семь лет было. Зато мамочке моей восемнадцать. Она из очень богатой семьи – не Ротшильды, конечно, но фамильное состояние веками делалось. Так что я нужды в детстве не знала, да и дальше тоже. Муж у меня тоже был человеком состоятельным – владельцем одного из банков в Женеве, так что из Америки я переехала в Европу.

Снежана слушала открыв рот. Происходящее ей нравилось все меньше. То, что рассказывала гостя, казалось похожим на сказку. Ну, не бывает так в жизни!

– В родительской семье всегда был культ папиной бабушки или, как ее звали, Таточки. Дед ее боготворил, да и папа любил очень, хотя не видел с тех пор, как ему восемь лет исполнилось. Именно поэтому меня называли в ее честь, и фамилию я, когда замуж выходила, девичью оставила. Точнее, она у меня двойная – Елисеева-Лейзен.

– А нас вы как нашли? – спросила Снежана.

– Я с детства хотела найти своих русских родственников. Папа очень хотел, чтобы я знала русский язык: он со мной говорил только по-русски, и няню мне наняли тоже русскую. Папа очень меня любил, всегда сам укладывал спать, рассказывая сказки и истории из своего детства. Он же не дворянских кровей был, они всегда небогато жили. Поэтому его отец и в армию пошел – там хоть и небольшая, но постоянная зарплата была. В общем, всю жизнь папа мечтал в Россию вернуться: хотя бы одним глазком на родину посмотреть, найти могилу бабушки Таты, но не сложилось. Когда папа умер, мне около тридцати было: молодая жена, молодая мать. Но я на его похоронах слово дала, что обязательно сюда приеду и родственников найду.

– Железный занавес не дал? – с легкой издевкой спросила Снежана.

Не верила она госте. Ни единому словечку.

– Зря смеешься, деточка. Сначала да, железный занавес. А потом... Сама знаешь, как жизнь устроена: то дети, то внуки, то болезни близких. Все время более важные дела возникали, тут я виновата, правда. А уж когда мне семьдесят исполнилось, пришло время вспомнить, что одно из самых важных обещаний в своей жизни я не выполнила. И тогда я наняла в России частного детектива, который специализируется на поиске давно утерянных родственников, и он мне через архивы путь всех моих родных и проследил. На это несколько лет ушло.

– И что же, вы их всех уже объехали? Мы напоследок остались?

– Я понимаю твое недоверие, деточка. Я бы в подобной ситуации тоже в такой рассказ, наверное, не поверила бы, – покачала головой гостя. – Но я говорю чистую правду. А объезжать мне некого. Никого, кроме вас и меня, нет в роду Елисеевых. Семеро детей было у

Таточки, и только у двоих потомки остались – у старшей дочери, твоей прапрабабки Натальи и у младшего сына – моего деда Георгия. Остальные погибли или умерли бездетными. Так что мы с вами – единственные ныне живущие потомки Татьяны Елисеевой. И вот наконец-то мы встретились!

– Таточка. – Мама кинулась на шею родственнице и обняла ее, украдкой вытирая слезы. – Не слушай ты Снежинку мою и не обижайся на нее! Молодым важности кровных уз не понять. Это с возрастом приходит, когда только и остается, что вспоминать тех, кого больше нет. Она поймет все, обязательно поймет! А я очень-очень рада, что ты нас нашла.

– Но как вы могли сразу приехать? Почему не написали нам? Не позвонили, в конце концов, – продолжала допытываться Снежана.

– Ну, вот так, поддалась порыву. Хотела устроить сюрприз. Никак не думала, что он окажется для тебя, деточка, неприятным. Мне, конечно, говорили, что в России люди очень недоверчивы, но я даже не думала, что настолько. Мне же ничего не надо. Живу я в гостинице – сняла себе люкс с видом на городской Кремль. Вас повидаю, город посмотрю, если получится, старым могилам поклонюсь и поеду себе обратно.

– Снежана, прекрати, – повысила голос мама. Официальным именем она называла дочь, только когда всерьез сердилась. – Тата – наша родственница и может гостить столько, сколько сочтет нужным. И, конечно, мы покажем ей город. Вот только с могилами... Конечно, где похоронены мои родители и бабуля, я знаю, а вот дальше? Показать могилу Татьяны Елисеевой мы тебе не сможем, мы вообще мало о ней знаем – только то, что мне моя бабуля рассказывала, а это не так и много.

– Ну, ничего, времени для разговоров у нас будет достаточно, – успокоила маму гостья. – Я вам расскажу все, что знаю, вы – мне. Глядишь, связная история получится. А ты, Снежинка, не расстраивайся! Все хорошо будет, я тебе обещаю. Ты ведь мне внучка, хоть и троюродная. И, поверь, я очень рада, что у меня теперь одной внучкой больше. Тебе надо прилететь к нам в Швейцарию, познакомиться с моими детьми и внуками. Они у меня неплохие ребята. В это путешествие отпустили меня, правда, со скандалом. Требовали, чтобы я сопровождающего с собой взяла, но я им так и сказала: «Ваша мать и бабка пока еще из ума не выжила, в пространстве ориентируется, тремя языками владеет. А язык, как известно, до Киева доведет, хоть в Киев мне и не надо».

– Ну и правильно. Таточка, а может, ты у нас останешься? Зачем тебе гостиница? Место чужое, холодное. Ни уюта, ни поесть вкусно. Снежана тебе может свою комнату освободить, она и в мастерской пока переночует. Не думай, ты нас не стеснишь, места хватит.

Снежана вдруг захохотала, не в силах сдержаться. Какая же мама все-таки наивная! Зато ее наивность сейчас поможет вывести незнакомку на чистую воду. Неужто миллиардерша из Женева согласится спать на девичьей Снежаниной кровати? Но старушка оказалась не так проста.

– Ну что ты, Ирочка, я уж останусь в своем люксе. Поверь, он со всеми удобствами и вполне уютный. И машину мне тут уже наняли. Не «Роллс-Ройс», конечно, но вполне комфортный автомобиль. Так что ночевать я буду уезжать к себе, а день проводить с вами. Если вы не против, конечно.

– О чем ты говоришь, Тата! Конечно, мы не против. У Снежинки, правда, много работы, она не сможет уделять двум старухам много времени, но обещаю, что нам и вдвоем не придется скучать. Я покажу тебе наш город. Раз у тебя есть машина, это будет совсем не утомительно. А пока давайте устроим семейный обед. У нас есть борщ с пампушками, и я как раз собиралась запекать кабачки. Ты такое ешь, Таточка?

– Настоящий борщ? – оживилась гостья. – Папа всегда рассказывал, что в его детстве этот суп был очень вкусным, он никогда и нигде больше его не ел, только в России. Говорил, что его нужно подавать с салом, розовым и тонко нарезанным.

– Есть, есть у меня сало. – Мама оживилась, забежала по кухне, быстро и споро накрывая на стол. – Боже мой! Довелось на старости лет увидаться. Бабулечкина кровь! Родственница! Тата Елисеева! Счастье какое! Прямо не верится.

Снежана повернулась, молча вышла из кухни и вернулась в мастерскую, где ее ждала жар-птица. Щелканье коклюшек всегда ее успокаивало, позволяя хорошенько подумать. Сейчас же это было просто необходимо.

* * *

Дело о найденном в Фетинино трупе превращалось в птицу под названием глухарь. Уже две недели прошло с того момента, как семейная пара обнаружила в лесу чемодан с полуразжившимися останками неизвестной пожилой женщины, а ни единой зацепки, кем могла быть потерпевшая, у следствия так и не появилось. Если чемодан доставили в лес из другого региона, то поиск «потеряшки» обречен на провал, но почему все-таки в Фетинино? Этот вопрос не давал следователю Зимину покоя. Уж больно место глухое, мало кому известное – кроме местных, разумеется.

Деревня была довольно большой, в триста дворов, но задача обойти их не представлялась непосильной. Взяв оперативника поглазастее, Зимин отправился в обход, выделив на это целый день и начав с самого утра. Население деревни, к счастью, в массе своей пожилое, а потому можно застать большинство жителей дома, несмотря на разгар рабочего дня.

То, что жертва в Фетинино не жила, само собой разумеется. Здесь внезапную пропажу человека заприметили бы сразу. Но убийца вполне мог оказаться из местных, только как это понять?

Зимин всегда придерживался правила: перед тем, как сдать, нужно испробовать все возможные варианты действий, а также их сочетания. Сдаваться он не любил, и сегодняшний визит в деревню был последней, предпринятой от безысходности попыткой. Если ничего не получится, значит, придется смириться с глухарем. Первым в его карьере.

В том, чтобы признать неудачу, тоже не было ничего особенного. К примеру, с разводом же он смирился. Видя пример собственных родителей, Зимин был уверен, что люди женятся раз и на всю жизнь, и он тоже женился для того, чтобы и в горе, и в радости дожить до того дня, когда смерть разъединит и прочие подобные глупости. Их действительно разъединила смерть – в какой-то момент вдруг оказалось, что умерла любовь. По крайней мере, жена объяснила все именно в таких выражениях.

А еще предъявила претензии, что он, Зимин, – тюфяк и тряпка, а не мужик. Он даже изменить не может, как это делают все нормальные люди, и от этого с ним так скучно, что просто скулы сводит.

– Подожди, я не понял, – сказал он тогда, чувствуя себя как человек, которому что-то эмоционально объясняют на языке, которым он не владеет. Слова, вылетающие из красиво накрашенного рта стоящей напротив женщины, не имели смысла, и ему было очень важно понять. – Я не понял, Маша, ты упрекаешь меня в том, что за пятнадцать лет я тебе ни разу не изменил?

– Вот именно! – закричала жена. Она была в такой истерике, как будто он, наоборот, только что признался ей в своих постоянных изменах. – Это же ненормально: пятнадцать лет прожить с одной бабой и даже не повернуть головы в сторону никого другого! Ты ненормаль-

ный, Зимин! Для тебя нет ничего, кроме твоей гребаной работы! Ты просто моральный импотент, понял?

Он по-прежнему ничего не понимал – с потенцией у него все совершенно нормально, и, когда не было дежурств или каменной усталости после них, он с завидной регулярностью доказывал это жене. А на других женщин Зимин действительно никогда не смотрел, потому что любил жену и ему ее вполне хватало. Да и работы действительно было много, и на все конфеты-букеты и прочие ухаживания, которые хотя бы в минимальном количестве, но все равно являются обязательным этапом любой измены, времени категорически не оставалось. И выискивать, выкраивать это время, отрывать его от жены и дочери было жалко, потому что ничего нового эти отношения все равно бы не несли. А если нет ничего нового, то зачем?

– То есть ты уходишь от меня, потому что я тебе не изменяю? – на всякий случай еще раз уточнил Зимин, чувствуя себя полным идиотом. – А если бы изменял, ты бы сейчас не уходила, да?

– Если бы я хоть раз заподозрила, что ты мне неверен, это заставило бы меня за тебя бороться, – устало сказала Маша. Она в последнее время всегда уставала в его присутствии. Он и раньше это замечал, просто не формулировал для себя так четко и безвозвратно. – Но ведь тебе все равно, что на мне надето, в какой цвет выкрашены мои волосы, делаю я эпиляцию или нет. С тобой я не чувствую себя женщиной, Зимин. Так, ходящей функцией, которой утром говорят «доброе утро», съедают поставленную под нос тарелку еды и вечером, возвращаясь со службы, дежурно благодарят за ужин, а потом ложатся в постель. Ты по утрам делаешь зарядку, а по вечерам занимаешься любовью. И все это для тебя такая же рутина, как чистка зубов. Нет в тебе полета, Зимин! А мне надоело жить без полета. Ты понимаешь, я попробовала полетать, и мне понравилось.

– Очень много слов, Маша, – поморщился он. От постоянных попыток связать слова в связный текст у него начала муторно болеть голова. – Если я правильно понял, дело не в том, что я тебе никогда не изменял, а как раз в том, что ты мне изменила?

– Боже, какая пошлость! Какая невыразимая пошлость, что ты все пытаешься свести к казенным формулировкам, которые ты заносишь в протокол, когда допрашиваешь свидетеля! Но я не свидетель, Зимин. Точнее, мне надоело им быть.

– А кто же ты, жертва?

– Ты еще скажи, что я – преступница. – Жена вздохнула. – Давай закончим этот разговор. Мы с тобой были женаты пятнадцать лет. У нас растет дочь, в жизни которой, разумеется, должны остаться оба родителя. Но с меня вполне достаточно. Я подаю на развод, уйду от тебя и вообще уезжаю.

– Куда? – не понял он.

– Если тебе это действительно интересно, то в Германию.

– Почему именно туда?

Жена смотрела с подозрением, как будто думала, что он издевается.

– Мой друг живет в Германии. Он – бизнесмен, регулярно приезжает в командировки – у немцев с нами крупное совместное производство оптических приборов. Ты хотя бы это знаешь?

О крупном заводе, после приватизации и долгих мытарств вошедшем в состав одного из немецких концернов, Зимин, разумеется, знал, просто не думал, что этот факт может иметь отношение к его жизни. Оказывается, мог! Туман, поселившийся в голове, понемногу рассеивался.

– Погоди, то есть ты сопровождала немецких бизнесменов, познакомилась с одним из них, он показал тебе, что значит летать, и теперь ты переезжаешь к нему?

– Браво, ты не зря считаешься хорошим следователем, – с издевкой проговорила жена. Или ему казалось, что, обращаясь к нему, она всегда говорит с издевкой? – Да, я познакоми-

лась с Паулем, когда занималась оформлением кое-каких документов, а заодно переводила. Он заставил меня потерять голову. Я сама не знаю, как согласилась поехать к нему в гостиницу, и...

– Бога ради, огради меня от подробностей, – уныло попросил Зимин. – Я уже понял, что ты полетела. И как долго ты уже летаешь?

– Восемь месяцев. Мы встречались здесь, потом он вернулся домой, но несколько раз прилетал в Москву, а я ездила туда. Сейчас Пауль опять здесь, он сделал мне предложение, поэтому я подала на развод, Зимин. И думаю, через два месяца мы улетаем в Берлин.

– Мы? Ты и этот твой Пауль?

– Мы, это я и Ксюшка.

Ксюшкой звали их четырнадцатилетнюю дочь, и открытие, что жена, оказывается, решила все и за нее тоже, отозвалось болезненной пульсацией внутри черепной коробки.

Конечно, он пытался спорить и возражать, но по словам жены выходило, что ребенку лучше жить с родной матерью и довольно обеспеченным отчимом в Европе, где она сможет получить хорошее образование, чем оставаться с отцом-следователем в глухой провинции.

– Я это делаю в том числе и ради Ксюши, – горячо говорила жена, – чтобы у нее был шанс на нормальную человеческую жизнь, а не эти бесконечные разбитые тротуары, темные улицы, непрекращающийся дождь, лица со следами полной деградации и безнадёга. Во всем безнадёга!

– Я работаю как раз для того, чтобы безнадёги было поменьше, – возразил Зимин, но это, разумеется, ни к чему не привело.

Его жена всегда твердо знала, чего именно хочет. Когда-то его привлекло в ней именно это качество, и с годами она отточила умение добиваться своего до небывалых высот. И он отступил, сдался: согласился на развод и подписал разрешение на вывоз ребенка за границу. С тех пор прошло, кажется, месяцев десять. Да точно, десять. Маша и Ксюша улетели двадцатого декабря, чтобы успеть встретить в Германии Рождество, а Зимин остался один, и на это проклятое Рождество, и на Новый год. Он глушил тоску работой, заполняя ею образовавшуюся пустоту до отказа.

С дочерью он общался по скайпу. Он знал, что Ксюшка скучает: она любила отца, – но новая жизнь и друзья были ей интересны, и потому она не выглядела страдающей, скорее, наоборот. Ксюшка утешала отца, что прилетит в Москву на весенние каникулы и они обязательно повидаются. Но случился проклятый вирус, заперший границы, и теперь Зимин был отделен от своей девочки занавесом покруче железного. И видел, что она от этого не страдает. А он? Что он? Кому интересны страдания сорокалетнего мужика, особенно если он под два метра ростом и под сто килограммов весом? Как медведь в клетке. Страдающий медведь выглядит смешно, а позволить себе быть смешным Зимин категорически не мог. Он страдал глубоко внутри, не подавая виду, что медведь ранен.

Алкоголь облегчения не приносил, от случайных женщин, которых с тех пор, как он развелся, вокруг неожиданно стало много, он уставал: все они сразу начинали предъявлять права, если не на квартиру, то на него самого, его внимание и свободное время. Времени после работы практически не оставалось, внимания они не стоили – нужны были лишь для удовлетворения нормальных потребностей здорового медвежьего организма. Те же, кого не нужно было завоёвывать, потому что они были согласны на все сразу и без лишних условий, вызывали у Зимина брезгливость. Он всегда был чистоплотен, и эти случайные связи вызывали у него острое желание отмыться под тугой струей кипятка.

– Михаил Евгеньевич, на этой улице все. Дальше куда?

Зимин вздрогнул от вопроса сопровождающего его оперативника и вынырнул из тяжелых дум, в которых почему-то то и дело возникала ладная фигурка с русой головой. Завитки на ней вызывали ассоциацию с кружевом. Сне-жа-на. Фу-ты, какое претенциозное имя! Вот уж эта

дама точно из разряда тех, с кем хлопот не оберешься. Своенравная дамочка! Впервые увидела и сразу спросила, почему его жена не кормит. Жареной картошки пожалела, что ли?

– Олег, пошли на соседнюю улицу, – сердито сказал Зимин, в этот момент остро ненавидящий всех женщин без исключения. – Еще домов пять пройдем, а потом надо будет сообразить что-нибудь пожрать. Я со вчерашнего дня ничего не ел.

На соседней улице дела обстояли точно так же – никто ничего не видел, не слышал, не знал. Последний намеченный на дообеденное время дом стоял чуть на отшибе. Огород бурно зарос некошеной травой, забор покосился, участок в целом выглядел довольно непрезентабельно. Толкнув висящую на одной петле калитку, Зимин очутился внутри, с размаху угодив в кучку собачьего дерьма.

– Да что ж сегодня за день-то такой! – взвыл он и принялся оттирать ноги о зеленую из-за довольно теплой осени траву. – Что ты ржешь-то, Олег?

– Ничего, Михаил Евгеньевич, – отозвался оперативник, пряча улыбку.

На крыльцо тем временем вышел привлеченный шумом крепкий лохматый мужик под шестьдесят. На неожиданных гостей он смотрел с любопытством, но без всякой тревоги.

– Вы хозяин дома? – спросил Зимин, перестав шаркать подошвой.

– Я, – пожал плечами мужик. – Точнее, это родительский дом. Я в городе живу, а сейчас подальше от вирусов всяких уехал. Вы сами кто будете?

– Меня зовут Зимин Михаил Евгеньевич, я – следователь Следственного комитета. Расследую убийство, совершенное неподалеку. Слышали, наверное?

Мужик кивнул, и на его лице, Зимин это видел точно, теперь было написано облегчение. Почему? Чего он боится, если не разговоров об убийстве?

– Проходите в дом, – сказал тот. – Я как раз хотел в город ехать, в полицию, да думал, на смех меня поднимут. А тут и вы подоспели. Вот вам все и расскажу.

– Зовут-то вас как? – спросил Зимин, наклоняя голову, чтобы не удариться о низкую притолоку.

– Иван Петрович Некипелов. Тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года рождения. Работаю таксистом. Точнее, раньше работал, а в последние полгода опасаюсь. Так что дома сижу, то в городе, то тут, в деревне.

– А живете на что?

– Так мне много не надо. Мать-покойница до недавнего времени здравствовала, пенсию получала, мы ее на книжку откладывали, а на мою зарплату жили. Мать схоронил, работы не стало, вот и проедаю запасы потихоньку. Когда-нибудь это все закончится.

– Так, Иван Петрович. – Зимин и Олег очутились в большой и неожиданно светлой комнате, в которой царил идеальный порядок. Казалось, что дом и участок принадлежат разным людям. – О чем именно вы хотели рассказать в полиции?

Их собеседник мялся, словно подыскивая слова.

– Скажите, – наконец решился он, – а вы уже знаете, кто та жертва, которую в чемодане нашли? Люди говорили, при ней документов не было, но за две недели вы, наверное, разузнали, кто это может быть?

– В том-то и дело, что жертва по-прежнему числится неопознанной, – покачал головой Зимин. – Вы что же, Иван Петрович, догадываетесь, кто это может быть?

– Нет, я не догадываюсь, – хозяин дома вздохнул. – Просто я обнаружил, что пропала одна моя знакомая, и теперь не могу отделаться от мысли: это может быть она. Хотя я понятия не имею, как и почему это могло произойти.

– Иван Петрович, давайте по порядку, – мягко сказал Зимин. Разговоры со свидетелями были его фирменной «фишкой», он никогда не наседали, не грубил, а наоборот, располагал человека к себе настолько, что ему хотелось выговориться, открыться. – Кого именно вы потеряли?

– Дарью Степановну Бубенцову.

– Это ваша родственница? Знакомая? Она жила здесь, в деревне?

– Нет, она жила в городе. И познакомились мы всего месяц назад. Точнее, я ее нашел, потому что долго искал.

– Зачем?

– Это очень долгая история. Я обязательно ее вам расскажу, просто она вряд ли имеет отношение к делу, потому что уходит корнями в глубь веков. Если убитая – действительно Дарья Степановна, то это не может иметь к прошлому никакого отношения, понимаете?

– Если честно, пока не очень.

Некипелов опять вздохнул.

– Когда умерла моя мать, я начал разбирать вещи в этом доме. Она в последние годы была не совсем здорова и тащила в дом весь мусор, который могла найти. Я не спорил, потому что это было совершенно бесполезно. Вы же видели, на что похож двор? Вот и дом был чудовищно загажен, я потратил несколько месяцев, чтобы его отчистить и отмыть. Особенно много мусора оказалось на чердаке. Можно было свалить все в кучу и сжечь, но я никуда не торопился, поэтому все просматривал перед тем, как выбросить. И нашел дневник.

– Дневник?

– Ну, тетрадку такую, очень старую. А в ней текст – тоже старинный, еще с ятями. Когда-то я учился на филолога: да-да, не думайте, что я совсем уж необразованный деревенский дурак. В общем, сел я эту тетрадку читать, и оказалось, что дневник написан моим прадедом Николаем Некипеловым. Он писал о том, что нашей семье когда-то принадлежала одна очень ценная вещь, которая потом, по воле рока, оказалась у Бубенцовых.

– Это все, конечно, очень интересно, – перебил Некипелова Зимин, – но так мы с вами и до вечера не управимся. Давайте историческую часть все же пропустим.

– Да, конечно. – Мужик виновато потупился и заторопился, глотая слова. – В общем, я решил найти потомков Бубенцовых и узнать, что же произошло с этой ценной вещью. Страсть как стало интересно на нее поглядеть. Я уже не работал, времени у меня было вагон, так что начал потихоньку архивы рыть и на Дарью Степановну вышел. Повезло мне, что у них в роду одни мальчишки рождались. Три поколения мальчишек, а потом она – Дарья, которая замуж не выходила и фамилию не меняла. Одинокая она была, совсем.

– Когда именно вы ее нашли? Точно вспомнить можете?

– Так говорю же, с месяц назад, в середине сентября. Нашел ее адрес, приехал в город да пришел к ней. Она впустила. Рассказал я ей свою семейную историю. Она, понятное дело, ничегошеньки про это не знала, и реликвии у нее никакой не оказалось. Даже не слышала она о ней никогда. В общем, пустой билет я вытянул.

– И что же было дальше? Как Дарья Степановна оказалась в лесу, рядом с вашей деревней? Вы что же, ее в гости пригласили?

– Разумеется, нет. Конечно, я упоминал, что в Фетинино обитаю, но не более. Она просто совсем одинокая, из дома практически не выходит. Просила проводить ее иногда, раз уж истории наших семей пересекались в прошлом. Я обещал, но закрутился, понимаете?

– Вы имеете в виду, что больше к Бубенцовой не ездили?

– Нет. И когда слух пошел, что труп нашли, я даже на Дарью Степановну не подумал. Какое она имеет отношение к нашим лесам? Поэтому когда нас всех участковый опрашивал, не знаем ли мы, кто мог пропасть, я честно сказал, что нет. Никто у нас в деревне не пропадал, вот ведь какое дело!

– И что заставило вас подумать, что жертвой все-таки может быть Бубенцова?

– Так поехал я к ней, аккуратно три дня назад. Мне в город было нужно: за квартиру заплатить, продуктов прикупить. Вот я по дороге на автовокзал к Дарье Степановне и заехал. Фрук-

тов купил да тортик маленький. Говорю же вам, совсем одинокая она, как перст. А дверь мне никто не открыл.

– Так, может, она вышла куда? Вы же не предупреждали о своем визите.

– Да не могла она никуда выйти! Она вообще из дома не выходит. Продукты ей волонтерыносят. Она по специальному телефону позвонит, списочек оставит, они и придут.

– И все же...

Некипелов снова вздохнул. Кожа у него на лбу собралась складками, как будто он напряженно думал о чем-то, принимая непростое для себя решение.

– Мне Дарья Степановна ключ от своей квартиры дала, – наконец нехотя выговорил он. – Она очень боялась, что умрет и будет в квартире лежать, никем не найденная. Попросила, чтобы я, если когда-нибудь она мне не откроет, сам дверь отпер и все проверил.

– Вам, чужому человеку, которого она видела первый раз в жизни, запросто дала ключ? – с недоверием в голосе спросил Олег. – Мужик, а ты не заливаешь?

– Да не заливаю я, – со слезой в голосе ответил Некипелов. – Вот потому и сомневался, идти ли в полицию: знал же, что крайним окажусь. Но я не вру! Вот ни единым словечком. Когда Дарья Степановна мне дверь не открыла, я своим ключом ее отпер и в квартиру зашел. А там...

– Что? – подался вперед Зимин. Рассказ Некипелова не нравился ему абсолютно.

– А там все перевернуто, вот что. Ящики вывернуты, скатерти со столов сдернуты, бумаги какие-то рассыпаны. В общем, искали что-то. Вот тут-то мне нехорошие подозрения в голову и закрались: Дарья Степановны нет, в квартире погром, а в лесу труп. Я и подумал: вдруг ее.

– И давно вас осенило?

– Да третьего дня. Сегодня у нас, получается, вторник, а в город я ездил и к Дарье Степановне заходил в субботу. Сразу надо было в полицию, да не решался я. Вы ведь тоже сейчас думаете, что это я виноватый.

– Я ни о чем подобном не думаю, привык опираться на улики, – сообщил Зимин. – Вот что, товарищ Некипелов, давайте-ка проедем с вами на квартиру к гражданке Бубенцовой, посмотрим вместе, что там да как. Диктуйте адрес, я туда оперативную бригаду вызову. И собирайтесь.

Спустя час Зимин уже входил в квартиру, дверь в которую своим ключом открыл бледный до синевы Некипелов. Дом оказался «хрущевской» панелькой, и из маленькой прихожей было отлично видно стену единственной комнаты, вдоль которой стоял советских времен гарнитур – буфет и книжный шкаф с лакированными дверцами. Над ним висела на стене большая фотография женщины лет пятидесяти. Несмотря на это, ее вполне можно было узнать и не сомневаться – в чемодане, найденном в лесу, действительно находилось тело хозяйки квартиры, семидесятичетырехлетней Дарьи Степановны Бубенцовой.

Глава четвертая

Татка не находила себе места. За что ни бралась, все валялось из рук. И кринку с молоком разбила, уж мамка ругалась, ужас как! Хорошо хоть кринка была неполная, но молока все равно жаль, да и посуду тоже, совсем новая. Попробовала сесть за пяльцы, но коклюшки выпадали из рук, нитки путались, и ничего из узора не выходило. Да что ж за напасть такая!

– Доча, да что это с тобой? – Мама подошла и положила прохладную руку на Таткин лоб, проверяя, нет ли температуры. – Не заболела ли часом? Мечешься вся, и щеки пунцовые.

– Нет, мама, я здорова.

Из-за маминой заботы, которой Татка была совершенно недостойна, слезы навернулись на глаза. Пришлось стремглав сорваться с места, побежать в сени, сорвать с гвоздя зипун и выскочить на первый снег, чтобы подышать открытым ртом, прогоняя морозным воздухом туман из груди и влагу из глаз. Как объяснить маме то, что и сама хорошенько не понимаешь?

Перед глазами стояло бледное лицо Сони, Софии Петровны, обожаемой учительницы, которую Тата, придя на занятие, обнаружила в глубоком расстройстве. Сама она сегодня была одна, без подружек. Дуся приболела, а Пелагею отец повез на открывшуюся в городе ярмарку, откуда подружка должна была вернуться с обновками – либо яркой шалью, как в прошлом году, либо с вышитой сумочкой, а то и с колечком. Палашкин отец был весьма зажиточным, единственную дочь холил и баловал.

Палашкиной удаче Тата не завидовала: она своего отца горячо любила, пусть он не богат и строг. Как бы то ни было, на сегодняшний урок она пришла в одиночестве, да еще на полчаса раньше положенного срока. В комнате, служившей им классом, было по-осеннему темно – морозное октябрьское утро еще не до конца разгулялось. София сидела у окна, и по ее напряженной спине Тата поняла: что-то случилось.

– Все в порядке, София Петровна? – робко спросила она, чувствуя, как разрастается в груди мучительная тревога – все ли ладно с Петром Степановичем, здоров ли.

София вздрогнула, словно Тата вторглась в ее мысли, погруженная в которые, она даже не заметила прихода ученицы.

– А, это ты, Таточка! Нет, все в порядке, просто никак отойти не могу. Ты представляешь, у нас в доме вчера случился обыск!

– Что-о-о-о?

– Нет, не обыск, конечно, это уж мне с перепугу так показалось. Но к нам действительно приходила полиция, спрашивала, не видели ли мы какой-то редкий и очень дорогой родовой крест.

У Таты упало сердце и затрепыхалось где-то в пятках, которые даже зачесались от этого ощущения.

– Крест? – проямлила она. – Какой крест?

– Да в том-то и дело, что мы не знаем, какой, – в сердцах сказала София. – Говорят, какой-то преступник, убивший человека, дал показания, что взял грех на душу из-за пропажи очень ценного старинного родового креста. Мол, тот с шестнадцатого века принадлежал их семье, а убитый – его двоюродный брат – крест украл и якобы отдал моему отцу как мзду за то, чтобы его родной брат избежал суда. Ну, бред же, право слово! Все, кто знают моего отца, понимают, что он на такое не способен.

– Конечно, не способен, – горячо повторила Тата, вспомнив лицо Петра Степановича и его слова: «Пойдите вон, милостивый государь». – Глупость какая – подозревать такого прекрасного человека в мздоимстве! И что же дальше, София Петровна?

– Пришли двое полицейских, с отцом поговорили, с нами. Отец рассказал, что некий человек действительно совал ему в руки какой-то крест и твердил про его баснословную сто-

имость, но он выгнал его и попросил не приставать с глупостями. А мы с матушкой его и вовсе не видели.

– Но почему же полицейские подумали, что крест может быть у вас? – дрожащим голосом спросила Тата.

– Да потому что этот проситель из нашего дома отправился восвояси, а по дороге встретился с истинным владельцем креста и между ними случился спор, в ходе которого один и убил другого. Вот только никакого креста при убитом не нашли, поэтому и заподозрили, что он остался у нас в доме.

– София Петровна, но у Петра Степановича не выйдет теперь из-за этого никаких неприятностей? – замерев от ужаса, спросила Тата. – Ему же поверили, что он не оставлял креста у себя? Ведь он же правду сказал, я знаю!

– Ох ты, золотое мое сердечко, – Софья улыбнулась Тате так ласково, что у той снова зануло сердце. – Поверить, конечно, поверили, вот только весь вопрос, куда мог крест подеваться. От нашего дома до места происшествия пара кварталов всего. Отец крест видел, значит, он действительно был при себе у этого неприятного человека. А после убийства креста при нем уже не оказалось. Прохожие, что ли, вытащили?

Тата неотрывно смотрела в белое окно, за которым кружились снежинки, но видела не знакомую до мелочей улицу, а вставшую на дыбы лошадь, огромную подкову, опускающуюся на голову лежавшего человека, искаженное ужасом лицо случайного убийцы – все то, что успела зафиксировать взглядом несколько дней назад, перед тем, как потерять сознание.

Из обморока ее тогда вывела Дуся, энергично растершая лицо подружки снегом.

– Вставай, тикать надо, – горячо шептала на ухо переминающаяся с ноги на ногу Палашка. – Сейчас полиция набежит, тогда неприятностей не оберемся.

Татка с трудом поднялась на ноги, отряхнула юбку, заботливо выбранную утром для похода к Брянцевым, сунула руку в карман, а наткнувшись на крест, словно обожглась.

– Что ты опять копаешься, пошли давай, – шипела Палашка.

Поддерживая друг друга, девушки поспешили прочь. Толпа, собравшаяся вокруг места происшествия, все росла, полиция уже прибыла, привели и не успевшего далеко убежать преступника – он затравленно смотрел на лежащее на дороге тело и сплевывал через стиснутые зубы. Тата заметила, как он внимательно и оценивающе посмотрел на трех девчушек, особенно задержав взгляд на видной Пелагее. К счастью, остальным до них не было никакого дела, а потому, убыстряя шаг, они уходили все дальше и дальше, оставляя страшную картину позади и по дороге объясняя недоумевающей Пелагее, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.